

ВАДИМ БУЛАЕВ

ПРО ИВАНОВА, ШВЕЦА
И ПРИКЛАДНУЮ
БЕСОЛОГИЮ

2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вадим Булаев

**Про Иванова, Швеца и
прикладную бесологию #2**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Булаев В. В.

Про Иванова, Швеца и прикладную бесологию #2 / В. В. Булаев —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

Любой отпуск рано или поздно заканчивается, а любимая служба остаётся.
Примечание автора: Рассказы будут выходить без какого-либо плана. Читайте,
комментируйте :)Содержит нецензурную брань.

Содержание

История первая. Эюд в прыщавых тонах	5
История вторая. Бойся своих желаний	51
История третья. Ванечка. Часть первая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	72

История первая. Этюд в прыщавых тонах

Всё хорошее когда-нибудь заканчивается. Закончился и отпуск. Он промелькнул одним ярким днём, в котором причудливо сплелись южное солнце, нежный песок пляжей, море, дай-кири и романтические посиделки под луной, оставив после себя яркие, полные непонятной тоски, воспоминания да магнитики на холодильник.

Домой вернулись без Розы. Девушка, пользуясь своим призрачным состоянием, проникла в самолёт гордой Французской Республики и наконец-то отправилась осуществлять свою давнюю, во всех отношениях, мечту – навестить родной Марсель. По её клятвенным заверениям – не навсегда. Месяц, полтора – максимум.

Сцена прощания бывшей «дамы для удовольствий» и Антона в аэропорту получилась трогательной. Присутствовавшая при этом Маша даже всплакнула от избытка чувств. Призраки долго смотрели друг другу в глаза, многозначительно молчали, не находя в себе слов для самого главного – открытого признания в том, что они друг другу не безразличны. И только после расставания Швец горько заметил:

– Никогда не думал, что такое скажу, но я буду скучать.

Больше на эту тему он ничего не говорил, а Сергей и кицунэ с расспросами тактично не лезли. Зачем? И так всё понятно.

Прилетев, Маша приняла квартиру в целостности и сохранности у неказистого, невзрачного бородача, нанятого ею для соблюдения порядка, придирчиво сунула нос во все углы и осталась довольной. Особенно долго осматривала подростковую Мурку. Девушка настолько завертела, затискала любимицу, что последняя с диким мявом вырвалась из заботливых рук хозяйки и нашла спасение лишь за диваном.

Чем кицунэ расплатилась с наёмным хранителем – для Иванова осталось загадкой. Скорее всего – ничем. Домовой то был свой, с турбазы. Потому наверняка девушка его просто «нагнула авторитетом» и немножко попугала для остротки.

Наступали суровые будни.

Надо сказать, что за отпуск в парнях многое изменилось. У Антона – внешне, у Сергея – внутренне.

Исполняя очередную прихоть Розы, призрачный инспектор поменял внешность в угоду подруге. Ей всегда нравились интеллигентные мужчины, потому Швец каким-то образом обзавёлся чеховской бородкой; зачёсанной как у молодого Максима Горького, по львиному назад, причёской и мешковатым костюмом в стиле группы «Браво», которая ему так полюбилась с недавних пор. И сразу стал похож на молодого доцента с кафедры сопромата или высшей математики, нацеленного исключительно на науку. Даже очки заимел, с простыми стёклами, чем ещё больше покорила избранницу.

Действительно, теперь Антон был похож на кого угодно, только не на оперативника. И ему это нравилось.

Сергей не отставал. На нём, неожиданно для него самого, серьёзно сказались повышение по службе, и вторая за год смерть. Парень стал солидней, резче, из него словно вылетело юношеское раздолбайство. Теперь это был уже не молоденький оперок, а вполне солидный молодой опер. Походка приобрела важность, а из верхней одежды он теперь предпочитал не легкомысленные футболки или толстовки, а вполне солидные рубашки и спортивные пиджаки. Джинсам и тяжёлым ботинкам новоявленный инспектор изменять отказался категорически – удобно, да и практично. Работать ведь часто приходится по ночам, в закоулках всяких. А там гвоздей на земле разбросано и грязи разной – в мокасынах с белыми парусиновыми штанами не побегаешь.

К тому же у пиджаков оказался один огромный плюс: в карманы, не нарушая внешней гармонии, удобно помещался пресловутый крест, смартфон, бумажник, деньги, сигареты с зажигалкой, нож, мелочь разная, и всё это добро абсолютно не оттягивало карманы и не мешало ходить. Прелесть, а не одежда при его образе жизни.

Не забыл Серёга и про Силу Яги. Первым делом, как вернулся, связался через приятеля с начальством и настойчиво потребовал избавить его тушку от этой напасти. В ответ Карпович долго вздыхал, давил на сознательность, попытался даже затянуть это дело в надежде, что подчинённый всё-таки одумается.

Но Иванов был неумолим. Он просто всеми фибрами души чувствовал – не нужно ему такое счастье. Да и Чехия не особо нужна. В крайнем случае за свой счёт сгоняет, благо зарплата, да и доходы в общем, теперь это удовольствие вполне позволяют.

Обряд по очищению прошёл на следующий после возвращения день. В назначенный час боярин материализовался в квартире с неким господином в чиновничьей форме почтового ведомства Российской Империи. Последний, повздохав, извлёк банку с непонятным гибридом краски и мази (точь-в-точь как у Бездушной), заставил раздеться, лечь на диван; после минут пять рисовал на груди Иванова непонятные каляки-маляки, беззвучно шевеля при этом губами, а затем, громко прочитав непонятную тарабарщину на неведомом языке, приложил к области Серёгина сердца маленькую статуэтку слоника и буркнул:

– Всё. Разрешите откланяться.

Абсолютно ничего не почувствовавший инспектор поначалу не поверил:

– Как всё? Вы месяц почти готовились, вроде как ингредиенты ценные переводили – и всё? Так просто? Сеструха Яги покойной этот номер чуть ли не на коленке сляпала, без подготовки! А тут канитель такая...

Чиновник хотел что-то ответить, но его перебил Фрол Карпович.

– Это потому что она родную силу забрать пыталась. Семейную. Которая к ней сама липла. А здесь – сложнее. Мы же не родня... И если надумаешь обратно отыграть – только свистни. Сила, – палец указал на фигурку, – вот. Можем и назад вернуть.

И после такого невнятного разъяснения начальник резко исчез вместе с неизвестным коллегой и слоником, не дожидаясь Серёгина ответа.

После душа, очистившись от следов ритуала, хозяин квартиры уселся на кухне, закурил и стал думать. «Странно это всё, – пуская дым в окно, рассуждал Иванов, – невнятно. У той тётки такое колдовство на раз-два делалось, а тут подготовка – мама дорогая. И это при возможностях этих ребят! Да тут, наверное, и одной Печати помощнее хватило бы вполне, хотя... Нет. Непонятно. Вот чувствую, что здесь какое-то двойное дно имеется, только не знаю, какое. А может и наоборот, это я свою паранойю радую. Тьфу, совсем запутался!». Поломав ещё голову над этим неразрешимым вопросом, Сергей успокоился и дал себе слово подсобрать информацию о случившемся. Окольными путями, так сказать, для собственного успокоения.

А ночью он опять стоял перед грозными очами руководства, вместе с приятелем. Фрол Карпович, всё ещё недовольный решением Сергея, обновил им Печати (они теперь приобрели ярко-жёлтый, почти оранжевый цвет и новую силу), долго и нудно рассказывал о высоком доверии, трудолюбии, периодически привычно порывывая на подчинённых. Не забыл боярин и несколько раз акцентировать то, что Иванов первый среди живых за всю историю Департамента, удостоившийся должности инспектора. Отпустил начальник лишь под утро.

Помимо увеличения жалования почти в два раза, были и другие приятные сюрпризы от новой должности. Первая – если в руку с активированной Печатью взять смартфон – то в телефонной книге появлялся дополнительный номер: «Руководство», дававший возможность прямой связи с боярином. Вторая – официальный отпуск. Два раза в год по две недели.

Не обошли плюшками и Антона. Кто-то наверху так впечатлился делом Бездушной, что с могущественного плеча пожаловал ему возможность материальности по желанию, без ограни-

чений, и грузоподъёмность обычного человека. В точные цифры никто не углублялся, потому Швец решил это выяснить опытным путём – гирьками или штангой в спортзале. Да и денег немного отсыпали.

Сначала Антон не понял – зачем ему денежные знаки, если он к ним даже прикоснуться не может? Но потом дошло – так Фрол Карпович проявлял заботу о подчинённом. Завуалированно. Именно боярин предложил передать деньги напарнику, якобы «на хранение», а по факту выплатить свою долю за отдых да немного за курево. Призрачный инспектор остался очень благодарен руководству, хоть виду и не подал.

Иванов тоже всё понял и принял довольно крупную сумму молча, без кокетливых отговорок и прочей пафосной мишуры. Больше к этому вопросу они не возвращались.

Однако была в этой бочке мёда и своя ложка дёгтя: соседняя область со всеми потрохами теперь переходила под начало Иванова и Швеца, открутиться не удалось.

И дни потекли своим чередом... Работы накопилось много, только успевай разгребать. Целыми днями парни носились по городу. Тех упокаивали, этих успокаивали, иным били морду, а с особо хитрыми вели профилактические беседы с использованием идиоматических выражений.

– Здорово, Серёга! – Антон весь лучился радостью и счастьем. – Собирайся, едем массовое мероприятие охранять!

– Какое? – энтузиазм товарища Иванова заинтересовал, и он весь превратился в слух.

– Не поверишь! Шабаш ведьм! Который ежегодный! За городом намечено, целый пансионат сняли!

– А мы при чём?

Антон посерьёзnel.

– Ну, во-первых, мы – власть и обязаны бдеть, так сказать... Во-вторых – самим тёткам при органах спокойнее. Если что – мы присутствовали, с них взятки гладки.

– Мне это не нравится, – перебил Иванов. – Звучит как попытка нас в какое-нибудь дерьмо втравить. И почему мероприятие в начале осени? У ведьм вроде как Вальпургиева ночь профессиональный праздник, а она весной, насколько я помню.

– Да нормально всё будет! Я у наших узнавал – обычная практика, когда из Департамента кто-нибудь присутствует. Давно так заведено. В старые времена на таких мероприятиях ведь и до жертвоприношений доходило с прочими непотребствами. Теперь проще, без крайностей... Однако всё одно зовут, по старинке, чтобы лишних поводов не давать... Ну попьют-попляшут женщины, покрасуются одна перед другой, поненавидят очно друг дружку, да и разъедутся по домам. Обычный этот... слово новомодное... Корпоратив! Во! – наконец-то выдернул из памяти нужный термин инспектор. – А по поводу осени – ну вот захотелось им там. В глубокой древности кто-то из колдуний то ли краску для волос с особым оттенком изобрела, то ли особенно удачно с подружками погуляла. Уже и не помнит никто. Одна дата осталась. Да это как футбол охранять – тоже самое, почти... Постояли, посмотрели, под конец по рюмашке – и домой. Ты ускорься, не телись, нам ещё добраться надо. Ух, девок там будет...

– Уже забыл про Розочку? – сварливо влезла в разговор непонятно когда вошедшая в кухню Маша. – Все вы, мужики, одним миром мазаны!

Швец стушевался. Про пронырливую домовую он и забыл. Спасая положение, попробовал отделаться древней мужской мудростью:

– Так что, если я на диете – мне теперь на пирожные и смотреть нельзя?

Не помогло. Кицунэ насупилась и угрожающе упёрла ручки в бока.

– Слышь, диетолог фигов! Это Роза у нас дама с воспитанием, культурная, а я девка деревенская. Мигом патлы тебе повыдержгаю за подругу, и Печати вашей не убоюсь! Понял?!

– Да понял я, понял...

– То-то! – торжествующе закончила обличать домовая. – Смотри у меня... – и к Сергею. – В аптеку зайди, купи чего нужно. Там бабёнки разбитные, а как винишка подопьют – страсть прямо! Потому будь бдителен!

– Да я ж по службе, – обалдело промямлил хозяин квартиры. – Так, в сторонке постоять...

– Ты – да. А они?! И вообще! Вы, мужики, при виде голых титек да поп в обтяжку последние мозги теряете!

Последние слова прозвучали несколько странно на фоне традиционно крохотных Машкиных шортиков и обнажающего плоский животик топика. Но на этом моменте парни многоопытно решили внимание не заострять. Наскоро со всем согласившись, и Иванов, и Швец сочли за лучшее покинуть квартиру.

– Эк она тебя строит! – восхитился Антон, оказавшись на улице. – Не хуже старшины в армии!

Серёга пропустил мимо ушей этот укол, заметив:

– Заботится она. Обо мне и о тебе. Чтобы глупостей не наделали, за которые потом будет мучительно стыдно. Пошли на остановку.

На месте были через два часа. Хмурый сторож неопределённо-пожилого возраста, в фуфайке на голый торс, обезображенный на груди подсыхающей коростой мелких язв, безразмерных штанах и китайских тапках, в до боли знакомом по городским притонам состоянии вечного подпития, пропустил их на подзапущенную территорию пансионата. Ничего особенного. В глубине аллеи расположилось трёхэтажное здание советской постройки, требующее косметического ремонта и замены окон, пристроенная к нему столовая с большими, плохо вымытыми окнами и мелькающими в них поварами, парковка с самыми разными автомобилями – богатыми и бедными, ухоженными и не очень, а некоторые даже походили на... на... гхм... находились в далеко не самом лучшем визуальном и техническом состоянии.

– Тудой, – напомнил о себе хранитель врат, указав прокуренным пальцем на здание. – Тама бабы водку жрать изволят... Вы тоже... это... без трусов плясать будете? Под умца-умца, – тут мужичок задёргался в конвульсиях, имитируя страстно-безумный танец под собственный немзыкальный аккомпанемент.

Инспекторы офонарели. Глубину негодования за двоих выразил Сергей.

– А в рыло? – и сунул кулак под нос пляшущему.

Сторожа это нисколько не напугало. Наоборот, даже обрадовало.

– Дык вы из нормальных? Славтегосподи... Я думал, как о том годе будет, в окошко видел... Приехал здоровый мужик, снял с себя исподнее прилюдно, да под музыку, а потом мудями перед бабами трясёт, яйцами по собственным ляжкам плямкает, извивается вокруг женщин этих всяко, трётся, – тут он презрительно сплюнул. – Тьфу! Мерзость! А вот в мои годы...

Дальше его слушать не стали. Чужие мемуары редко бывают интересными. Направились к зданию.

– А вы к кому? – запоздало, в спину удаляющимся приятелям прокричал мужичок, вспомнив о своих прямых обязанностях.

– А мы из полиции нравов, – обернулся, состроив умную рожу, Иванов. – Будем проверять этих... трясущих, если приедут, на предмет размеров предъявляемых органов и соответствия их стандартам ассоциации стриптизёров. Длину, диаметр, уровень биологических загрязнений сверим люминометром, опять же... А если кто не соответствует – конфискуем до выяснения орудие производства! – из кармана в руку лёг нож, а лицо свежеиспечённого инспектора озарила зловещая ухмылка.

– Оно и правильно, – не до конца поняв смысл услышанного, но вычленив главное: «Полиция», залепетал сторож. – Всех их к одному знаменателю надобно, мудотрясов...

– Учтём! – солидно бросил Антон и быстрее зашагал по аллее, подальше от словоохотливого мужичка.

Дойдя до входа, осмотрелись, по привычке просканировав окружающую среду на предмет возможных эманаций. Были. Немного фонили машины (но оно и понятно – ведьмы ездят) да из здания ощущалось лёгкое присутствие Силы.

– Бедненко, – заметил Швец. – Могли бы и получше местечко арендовать.

– Да тут как раз всё ясно. Наверняка не все колдуньи свой дар на службу бизнесу поставили, сам же мне об этом говорил. Потому и выбрали нейтральное местечко, чтобы по деньгам особо накладно не было. Думаю, даже этот пансионат им в копеечку обошёлся. Ладно, пошли внутрь, ознакомимся с программой мероприятий.

– Ага. Интересно, голыми при Луне они скакать будут? Я бы поглядел... – мечтательно озвучил свои мысли Швец.

– Посмотрим. Может, и не стоит это зрелище внимания. Вдруг тут одни каркалыги древние собрались? Как потом такое развидеть?

– Вот умеешь ты мечту обгадить, – вздохнул материальный призрак, распахивая дверь. – Что же ты за человек такой...

Внутри, у самого входа, их уже ждали две милovidные женщины средних лет. Полненькие, с короткими стрижками, в нарядных платьях и туфлях на небольшом каблучке. Прямо не ведьмы, а тётеньки из заводской бухгалтерии на праздновании Нового Года в местном Доме Культуры.

– Здравствуйте! – улыбнулась левая. – Я – Ирина Павловна.

– А я – Елена Николаевна, – подхватила правая. – А вы, как мы понимаем, представители властей небесных.

Сергей с Антоном вежливо улыбнулись в ответ, активировав Печати.

– Да. Это мы и есть.

– Тогда давайте сразу по организационным моментам пробежимся, – сразу приступила к делу левая. – Столик вам уже накрыли, правда, отдельно... Девичник, – словно извинилась она, – сами понимаете...

– Нормально, – не стал оспаривать такой расклад Швец. Главное – покормят.

– И спать – два номера на втором этаже вам отвели. В конце. Ключи вот, – в руке Ирины Павловны блеснули два ключика с бирками.

Сергей аккуратно их принял, сразу передав один приятелю, а второй сунув в карман.

– Теперь по плану мероприятий, – продолжила женщина. – Всё как обычно: в 17.00 застолье, именуемое по старинке Ведьминым Кругом, потом по интересам. После 22.00 культурная программа. Лёгкая, без излишеств. Утром – по домам.

– Угу. Понятно. Кто ответственный? К кому, в случае чего, обращаться? – не забыл уточнить Антон.

Ответила Елена Николаевна.

– К нам. В этом году вся организация праздника на нас. Да вы не волнуйтесь, мальчишки! Мы – дамы тихие, мирные, не скандальные. Разборок между подвыпившими девочками не ожидается. Врагов здесь нет.

Иванов позволил себе усомниться:

– Дружный женский коллектив? Или серпентарий?

Ведьмы рассмеялись.

– Первое... Враги сюда не приходят. Зачем? Можно ведь и сдачи получить, да и Яга в стороне не останется. Мы, конечно, индивидуалистки, однако не настолько глупы, чтобы при всех отношения выяснять или пакостить среди своих.

– Почему?

– Потому что мы по своей натуре очень мстительные, это не секрет. И недовольным проще не показываться, чем потом последствия разгрести, – совершенно серьёзно разъяснила Ирина Павловна. – Тем более что в наши дни Ведьмин Круг – это всего лишь старый обычай, и не больше. Хочешь – приходи. Не хочешь – игнорируй. Ладно, вы обустройтесь и спускайтесь. Через час начало.

В этот момент в здание вошла старая бабка в сопровождении невзрачной женщины.

– Яга с ученицей! – уважительно шепнула Ирина Павловна и вежливо, даже подобострастно, поздоровалась. Елена Николаевна тоже не осталась в стороне, попытавшись изобразить неумелый книксен. В ответ обе удостоились лишь надменного, холодного кивка.

Между тем старушка, заметив не погасшие Печати на руках инспекторов, ласково, из всех сил имитируя добрую бабушку из тех, кто всех детишек во дворе всегда угостит пряником и помажет зелёной разбитую коленку, заговорила:

– Здравствуйте, здравствуйте... А вы новенькие? Раньше я вас не видела. Меня Яга зовут, в миру баба Фая. Если что – сразу ко мне обращайтесь, – и скрылась в столовой.

Обе женщины облегчённо вздохнули. Было видно – побаиваются они свою старшую. Иванова и Швеца чужое начальство интересовало поскольку-постольку, потому они попросту не обратили внимания на происходящее. Ну главная ведьма, ну и что?

Номера оказались так себе, стандартно-типовые, времён позднего СССР: стол, стул, кровать, тумбочка, холодильник «Бирюса», платяной шкаф с провисшими дверцами. Видел один – видел все.

– Люкс, похоже, не предложат, – резюмировал Сергей. – Ну и ладно.

– Да здесь один люкс только стрипт обкомовский, – заметил Швец. – Мы в таком точно пансионате День Розыска отмечали как-то, ещё при жизни. Я и забрёл случайно... Делать там нечего. Всё почти то же самое, только места побольше и панели под дуб по стенам. Словно в кабинете у замминистра спишь. Мне не понравилось. Это тебе не Мальдивы...

Оба грустно вздохнули. Парням сразу захотелось обратно: к воде, коктейлям и пальмам.

В указанное время спустились вниз, в столовую, и заняли столик в уголке. Перед ними расположились бутылка приличной водки, голубцы, нарезки мясная и фруктовая, бутерброды с колбасой.

– Мы на службе, – пафосно заявил Швец, отодвигая спиртное в дальний угол.

Сергей лишь молча пожал плечами. Он, собственно, и не собирался употреблять горячительное.

Осмотрелись.

За несколькими, составленными вместе, столами расположились ведьмы. Разновозрастные, от древних бабок до молодых девушек, но все как одна нарядные и улыбочивые.

Пересчитали: двадцать три представительницы оккультных сил.

Ведьмы совершенно не обращали внимания на инспекторов, поглощённые разговорами, шампанским и тортиками. Регулярно звучали тосты – самые обычные: за встречу и за здоровье; звенело стекло бокалов. Обычные женские посиделки, одним словом. Через время в том углу, где собрались женщины постарше, включая подпившую и явно подбравшую Ягу, даже вполне мелодично затянули «Ой, мороз, мороз!», а те, кто помоложе, отправились плясать под включенную кем-то музыку.

Наблюдать чужой праздник всегда скучно, потому Сергей с Антоном частенько выходили на воздух. Подымить и вообще, сменить обстановку. Время тянулось ужасно медленно; казалось, прошла вечность, пока высыпали звёзды и в свои полные права вступила Луна.

Мероприятие между тем шло полным ходом. Уже несколько довольно милостивых ведьм, подмигивая, кокетничая напропалую и дыша сладковатым амбре из дамских напитков, напрямую выясняли – не желают ли мальчишки потанцевать. Мальчишки не желали, угрюмо отнекиваясь.

После ...надцатого раза прослушанной «Дым сигарет с ментолом» стало совсем туго. Полумрак, теоретически обязанный создать интимную обстановку в столовой, навевал тоску и уныние, а слезливо подпевающие собравшиеся – лёгкую ненависть. На бутылку с водкой инспекторы посматривали уже в открытую, соображая, хватит ли им одной, чтобы отрешиться от происходящего.

И тут грянул Имперский Марш из космосаги «Звёздные войны». Парни вздрогнули, а ведьмы наоборот, засвистели и заулюлюкали. Под раскаты бьющей по ушам музыки грозной, могучей поступью вошёл... Дарт Вейдер собственной персоной. В знаменитом шлеме, закутаный в чёрный плащ, но почему-то без светового меча.

Женщины зашумели ещё сильнее, даже самые древние бабки заинтересованно устались на поклонника Тёмной стороны. Некоторые из присутствующих даже повскакивали с мест.

– Пойду, гляну, кто там с музычкой играет, – заявил Сергей. – До этого просто ноутбук к усилителю с колонками подсоединили и сами бабоньки в плейлисте копошились. Но в последние пять минут к технике никто не подходил.

– Давай, – отмахнулся приятель. Ему было не до службы. Он заворожённо смотрел на разворачивающееся перед ним действие.

Между тем джедай-отступник почти вплотную подошёл к уже визжащим женщинам и под апофеоз фанфар распахнул плащ. Ведьмы ахнули, а Антон яростно плюнул в собственный салат от негодования.

Под плащом оказалось тело здорового, накаченного детины в узеньких трусиках с блёстками.

Марш сменился довольно ритмичной танцевальной музыкой.

Последователь императора Палпатина без штанов грациозно, ловко задвигался, умело поигрывая мускулатурой. Плащ упал на пол, а его обладатель начал довольно зажигательно плясать, вовлекая в танец женщин. Те особо не возражали. Через пять минут творилась самая настоящая вакханалия.

Визги, крики, счастливый пьяный смех и мельтешащие тела, а ещё до невозможности перекошенная физиономия Антона – именно такое зрелище предстало перед вернувшимся из угла с аппаратурой Сергеем.

– Чего кислый такой? – сначала не понял он. – Продукты вроде нормальные, отравиться не должен...

– Да ну их, – отмахнулся инспектор. – Гадость какая...

Иванов понятливо кивнул.

– Не грусти, Антоха! Мы, мужики в смысле, на женский стриптиз ходим, а тёткам чужие титьки без надобности. Им мужчины интересней.

Лицо Швеца искривилось ещё сильнее.

– Пошли, покурим, – и, не дожидаясь ответа приятеля, рванул на улицу.

Только сделав несколько глубоких, нервных затяжек инспектор слегка успокоился и продолжил прерванный разговор.

– Да был я на стриптизе, был. Отвратное зрелище, как по мне.

У Сергея отвисла челюсть от удивления. Он долго вращал глазами, осмысливая услышанное от любвеобильного товарища. Наконец выдавил:

– Поясни.

– Да нечего пояснять! Невидимым я как-то в клуб один проник, из любопытства. Музыка по мозгам лупит, ни мотива, ни слов не разобрать. А на сцене голые девки извиваются. Кто на шесте, как пчёлами покусанная, крутится, кто так отплясывает, потрясая всем, чем мамка наградила. Мракобесие сплошное!

Сергей теперь уже совсем остолбенел, но приятель, совершенно не замечая ошарашенного состояния коллеги, горячо продолжал:

– А потом в одном кабинете, на бордель дореволюционный похожем, наблюдал приватный танец для одного подпитого толстяка. Девка честно по нему ёрзала, тёрлась всякими образами, а глаза у неё пустые-пустые... Как у меня при жизни, когда тёща отчитывала. На работе она.

– Так это и есть работа! – наконец-то смог собраться Иванов. – Она так деньги зарабатывает. А в некоторых клубах можно её и того... за дополнительную плату.

– А я к чему? – взвился призрак. – Проституция сплошная! И легальная! И вообще, я не понимаю, какой смысл на голых девок пялиться? Их надо... ну, ты понял, по согласию только. А смотрелками ограничиваться – извращение полное. Противоестественно для нормального мужчины! Вредно для здоровья! – последние слова он почти прокричал, а потом, снова успокоившись, добавил. – Совсем вы с вашими интернетами сбрендили. Любитесь СМСками, как неживые, а любовь айфонами меряете. Потому и лесбиянство процветает – я по твоему телеку видел. Вон, в Европе парад целый провели. Народу как на Первое Мая припёрлось... И я их понимаю! А куда бабонькам деваться, если вы вместо девичьих постелей, где по логике до седьмого пота вкалывать должны, отлыниваете на танцовщиц голых глазеть?! Извини, дружище, я не так воспитан. Мне одних смотрин мало. Мне или всю программу подавай, с «от» и «до», или даже звать не надо. К полумерам не привык.

Сергей обиделся. Нет, точка зрения умершего в прошлом веке человека ему была вполне понятна, однако своё время в обиду давать – последнее дело.

– А при тебе всё чинно-благородно было? Может, ещё до свадьбы ни-ни и сексменьшинства только в специальной статье УК существовали?!

– Да нет, конечно, – грустно улыбнулся Антон, предаваясь воспоминаниям. – Разврат тот ещё стоял... Но не прилюдно! Никто свои причиндалы не выпячивал... Даже проще было: если пятница или выходные – идёшь на танцы при текстильной фабрике, если будний день – к их общаге с парой пузырьков сладенького заявляешься и всегда тёплое местечко найдётся. Девчонки ведь тоже живые, им любви хочется, да и организм требует... А вот так, в одних трусах скакать перед всеми – такого не было. И не надо про красивое женское тело байки плести! Для этого Эрмитаж с Третьяковкой есть. Иди, любуйся, там всяких хватает. В общем, дерьмо ваш стриптиз. А мужицкий ещё хуже.

– Старый ты ретроград, – вздохнул Иванов. – Забей! Нравится людям – пусть смотрят, тебе не нравится – не смотри! Но в чём-то ты прав...

Швец усмехнулся.

– Я знаю. Пошли по стопарю вмажем. А там посмотрим, как события развиваться станут. Не будет же этот... стрипиздёр в странном шлеме до утра наших ведьмочек развлекать. Да! – спохватился инспектор. – А что ты там высмотрел, когда к музыке ходил?

Приятель неопределённо пожал плечами.

– Да стандартно всё. Молодое дарование со своим ноутбуком – видимо, студент на подработке. Сумка с подарками. Я краем глаза глянул – косметика всякая, судя по виду – дорогая. Ничего необычного, на всякий случай даже просканировал.

– Тогда нормально. Пошли внутрь. Скоро, по идее, закругляться там должны. Во всяком случае мы до 24.00 на службе, а дальше пусть как хотят. У тебя какие планы?

– Ни каких. Спать лягу. Устал я от этого шума. Утром домой, если ничего не случится.

Швец потянулся, позёвывая.

– Тогда я в город. Прогуляюсь. Похожу, поброжу. Скучно...

Когда инспекторы вернулись к своему столику, веселье в зале достигло апогея. Женщины, что называется, пошли вразнос. Они извивались вокруг танцовщика, гладили его, неко-

торые даже пытались облизать. И только самые пожилые сидели на местах, по-прежнему добродушно посмеиваясь.

Часы в смартфоне показали полночь. Не сговариваясь, Антон щёлкнул водочной пробкой, а Сергей пододвинул сиротливо пустые рюмки. Выпили. Потом ещё. Происходящее стало их забавлять.

Повторили, но аккуратно, без скоростного накидывания. В этот момент музыка из динамичной стала медленной и Дарт Вейдер, так и не снявший своего шлема, начал вручать подарки. Делал он это мастерски, ни на секунду не прекращая танца.

Наконец, выдав последний набор для ремонта красоты, он плавно подхватил с пола свой плащ и исчез из зала. За ним тихонько свалил и паренёк с аппаратурой. Наступила тишина.

– Ну всё, девоньки! – неожиданно зычным голосом обратилась к присутствующим Яга. – Хорошего понемножку. Я искренне рада, что мы все здесь сегодня собрались, отдохнули, повидались. А теперь спать.

Женщины недовольно заворчали, определённо требуя продолжения веселья, однако старшая оказалась бабушкой жёсткой.

– Нет! Нам по договору завтра к десяти часам утра надо освободить помещения, другие заезжают. Семинар какой-то планируется или тренинг роста личности для дураков, потому не разойдёмся сейчас – утром попросту не проснётесь! А мне с администрацией разбираться никакого интереса нет. Кому не терпится продолжить – вызывайте такси и езжайте в город. Хе-хе... Только пока машина сюда приедет – утро наступит. Так что советую подумать. Всем спокойной ночи!

Ослушаться Ягу никто не посмел. Ведьмы угрюмо стали расползаться по номерам.

– Вот и всё, – сказал Антон. – На удивление обыденное мероприятие этот Ведьмин Круг. Не скрою, ждал большего, но и так тоже хорошо. Ладно, разбегаемся каждый по своему плану.

– Давай, – подавив зевок, согласился Иванов. – Утром, часов в семь, разбуди.

И пошёл спать.

Однако заснуть у Сергея не получилось. Только он устроился поудобнее на узенькой коечке, как в дверь постучали. Чертыхаясь про себя, открыл. На пороге стояла довольно симпатичная ведьма его возраста с бутылкой шампанского, двумя бокалами, небольшой коробочкой резинотехнических изделий и шальным взглядом. Парень даже имя её вспомнил: Элла. Она несколько раз за прошедший вечер подкатывала к столику инспекторов с предложением потанцевать, не теряя, впрочем, приличий.

– Я войду? – томным, утверждающим голосом заявила девушка и ловко просочилась в номер.

Иванову оставалось только пожать плечами и закрыть за незваной гостьей дверь. «Может, что-то и есть в этих отношениях модели текстильной фабрики» – подумалось ему.

В пустой номер Швеца тоже кто-то ломился. Долго, даже помогая себе каблучками. Но не срослось...

... Через три часа мокрый, потный и зацелованный везде Сергей, почти муркылая от нежданного удовольствия, направился в душ, а когда вышел – то лишь печально вздохнул. Элла спала, умаявшись от алкоголя и бурной ночи. Красиво, по кошачьи растянувшись и разметав свои длинные волосы по подушке. Места на койке рядом не было.

Тихо одевшись, инспектор не придумал ничего лучше, чем пойти на улицу и покурить. Ну не будить же такую хорошую женщину и не прогонять по-хамски из номера! Нужно хоть немного оставаться джентльменом.

Без особой надежды постучался к Антону – тот ожидаемо отсутствовал. Наверное, болтается сейчас по ночным аллеям городского парка, проветривая голову.

Об этой привычке товарища Иванов знал уже довольно давно. Находила на призрака с материальными допощиями иногда депрессия, проявляющаяся в тоске по прошлому, по нере-

ализованным мечтам, по своей семье. Вот и лечился он как умел – одиночеством и прогулками. Обычно помогало. Мёртвые тоже люди, как бы странно это ни звучало.

На улице Сергей, поёживаясь от предрассветной прохлады, по привычке осмотрелся, активировав Печать. И очень сильно удивился, обнаружив почти прозрачную сеть из неосязаемого мрака, окружившую здание пансионата. Шум подымать не стал, как и развоплощать находку. Напротив, принялся всесторонне её изучать.

Минут через пятнадцать осмотра до него дошло – это же сигнализация, оберегающая мирный сон собравшихся. Надо же! Не так просты ведьмочки, раз не поленились такую защиту сварганить и поставить!

Ещё через час стоять на свежем воздухе надоело окончательно, и Иванов направился к себе в номер. Зачем – и сам не знал. Эллочку он будить не собирался, просто надо было себя хоть чем-то занять.

Койка оказалась пустой, одежда гостя отсутствовала.

– Ушла, – с неожиданным облегчением подумал парень. Ему совершенно не хотелось невнятных утренних разговоров с сожалеющей о своей пьяной выходке женщиной. Всегда сожалеют, Иванов точно знал. Ищут оправдание своим поступкам в обвинении других, или, умело вгоняя мужчину в чувство непонятной вины, пытаются таким образом подцепить его на крючок дальнейших отношений. Нет уж, фигушки! Ушла – значит ушла. Он ни при чём, даже кровать свою уступил!

С этими мыслями Серёга и уснул.

Разбудил его дикий визг. Надрывный, полный вселенского ужаса. Иванов ошалело, путаясь в брючинах, натянул штаны и молнией вылетел в коридор. Там было людно. Из номеров повысыпали заспанные, полуодетые участницы вчерашнего мероприятия.

– Что? Где? Кто? – разом зашебетали они, переглядываясь друг с дружкой. – А что это с тобой?!

В этот момент из номера напротив, держась обеими руками за лицо, выскочила Ирина Павловна. Она истерично визжала и беспрестанно крутилась, не давая рассмотреть себя.

Наконец показалась и Яга. В стареньком халатике, с неубранными в причёску волосами.

– Чего блажишь?! – грозно спросила она и, подойдя к обезумевшей женщине, схватила её за руки, с силой убрав их от лица.

Присутствующие ахнули. Щёки, лоб, подбородок и даже шею ведьмы покрывали некрасивые, вулканоподобные прыщи. Из глаз ручьём текли слёзы.

– Ну, чего вылупились, курицы?! Вы, что ли, лучше? – пресекла возможные пересуды баба Фая. – В зеркало на себя посмотрите!

И тут только до Иванова дошло, что ещё как минимум у четверых ведьм лица набухали аналогичными украшениями.

Все рассыпались обратно по комнатам, из некоторых послышались горестные вскрики.

– Чего стоишь? – обратилась Яга к инспектору. – По твоей линии задачка – узнать, кто моих девонек так... ошастливил! – и уже к своим товаркам. – Через десять минут собираемся в столовой. Думать будем...

Серёга активировал Печать, призывая Антона. Тот ждать себя не заставил, материализовавшись почти сразу.

– Что случилось?

– Ведьмам нашим кто-то физии прыщами покрыв без их на то согласия. Как – пока не понятно. Сейчас все внизу собираются – там подробности и выясним.

Швец отнёсся к услышанному серьёзно.

– Женщинам портить красоту – это надо или самоубийцей быть, или отможенным наглухо. Такое не прощают. Из-под земли достанут и душу вынут, не меньше. Да и нам это

как плевков в морду, полное неуважение... Интересно, какая сволочь посмела при нас такие номера исполнять?

Подождав немного, спустились в столовую. Пострадавших, стыдливо прятавших лица, оказалось девять. Каждую осмотрела Яга с ещё одной старухой, каждой вынесли вердикт: «Ничего страшного. Через три дня пройдёт. Притирки на основе полыни с портулаком сделаете, сами знаете какие».

Пока разбирались с пострадавшими, Сергей украдкой взглянул на Эллу, которую прыщавая напасть обошла стороной. Та взгляд заметила и, недовольно фыркнув, отвернулась. Вот и хорошо. Значит, объясняться и куртуазно жонглировать словами, чтобы «якобы» не обидеть, а по факту оставить о себе хорошее впечатление, не уступив в древней женской игре «кто кого сильнее уколёт», точно не придётся.

Ведьмочка ведь не дура. Она и сама понимает, что прошедшую ночь лучше оставить в памяти как лёгкое, необременительное приключение. А вот коготки выпустить и проверить кавалера на крепость – это любая женщина сделает всегда и с удовольствием. Просто чтобы убедиться в том, что избранник может дать достойный отпор, а значит со вкусом у неё всё в порядке.

По окончанию осмотра слово взял Антон, опытно ощутив назревающую в воздухе бурю в виде масштабных разборок, поиска виноватых и припоминания всех взаимных обид с незапамятных времён.

– Милые женщины, мы во всём разберёмся. Прежде чем обвинять в случившемся своих подруг давайте поймём, почему такая неприятность случилась не со всеми, а лишь с избранными. Начнём с главного – что пострадавшие употребляли такого, чего не пробовали остальные?

Присутствующие запереглядывались.

– Да, вроде, все одно и то же ели и пили... – начала одна.

– И на подушках ничего такого не было, мы бы почувствовали... – подхватила другая.

– Да и по своей природе сыпь эта быстро появляется, как аллергия. Да это она, по сути, и есть... – подметила третья, особо обезображенная вулканическими прыщами. – Я с утра встала – лицо чистое было. Потом умылась, начала себя в порядок приводить...

– Вот тут поподробнее, – чувствуя верное направление, напрягся Швец. – Чем мазались или мылись?

– Водой, после этим... молочком подарочным кожу протёрла...

– И я... и я... – отозвались все пострадавшие.

Вмешалась Яга.

– Сейчас посмотрим... – на столе появились несколько баночек и тюбиков из тех, которые вчера так щедро раздавал Дарт Вейдер. Старуха открыла, понюхала один из них. – Ничего не ощущаю... хотя тут столько понамешано, не мудрено... Дома посмотрю, скажу точнее. А вы бы в мусорный бак эту пакость определили, девоньки. От греха, – закончила она.

Женщины согласно закивали, заговорили все разом. Каждой хотелось высказать своё мнение, поделиться эмоциями.

– А кто заказывал? – неожиданно прорезался голос Эллы. – Кто отвечал за мероприятие и презенты?

Шум голосов усилился.

– Ты чего разоралась? – взвилась Ирина Павловна. – Я заказывала, по интернету, вместе с танцовщиком этим. Меня обвинить вздумала?! Так посмотри мне в лицо! Сама-то чистенькая... Недаром говорят: больше всего «держи вора» кричит сам воришка!

Сидевшая рядом Елена Николаевна хоть к числу пострадавших и не относилась, однако подругу поддержала с радостью.

– А откуда вообще взялся этот массовик-затейник, и как оплачивали его... услуги? И кто подарки выбирал и согласовывал? – не удержавшись, влез в назревающие разборки Швец.

– Так от предыдущей главной... Раньше она всегда праздник организовывала, мы только последние два года. Вот и телефончик его, – из сумочки возник карандаш, Ирина Павловна немного покопалась в смартфоне и уверенно набросала на салфетке комбинацию цифр. После протянула написанное инспектору. Тот взял и, не глядя, убрал в карман. – Мы этого паренька уже раз в пятый приглашаем, и он не отказывает. То человеком-пауком приедет, то Бэтменом... А оплачивали наличкой, в конверте по факту, постоянно так делали. Да и подарки всегда он сам выбирает. Так проще – ни мне, не Ире гадать не нужно, кому что преподнести, чтобы все потом не перессорились. Нам ведь тоже сюрприз хочется, что мы – не женщины? Какой интерес знать, что ты сама себе подаришь? Говорю же, не в первый раз...

– А лицо его вы видели?

Ведьмы раскрыли рты.

– Нет...

– Ну ничего себе, – выкрикнула из толпы молчавшая ранее тётка. – Зовёте невесть кого, наши жизни опасности подвергаете!..

– Да пошла ты! Сама бы занималась, раз такая умная! А то, ишь, привыкли на готовенькое...

Присутствующие разделились на два лагеря: тех, кто срочно хотел правды и тех, кто подозревал в пакости первых. Дело шло к драке или грандиозному скандалу. Кое-где стали посверкивать вспышки подготавливаемых боевых заклинаний.

Серёга перепугался. Попасть под замес ему очень не хотелось, а уж вляпаться в разборки разъярённых колдуний – ищите дурака! С бесами поспокойнее будет.

– Баста! – громкий, как раскат грома, рык бабы Фаи, совершенно не вяжущийся с её небольшой фигуркой и добреньким личиком, отрезвил всех. – Кто вам сказал, что это сделала одна из наших? Вы ведьмы или семиклассницы сопливые?! Или не знаете, как можно напасть ночью? Каждая ведь попробовала хоть раз в молодости, чтобы понравившегося парня отбить у другой. Каждая! Так что вы творите?! Где ваши мозги?!

Стало потише, но тут не смог смолчать Иванов.

– На ночь вы ведь охранный заклинание поставили, – уверенно начал он. Яга чуть заметно кивнула, всматриваясь в лицо инспектора. – Я половину ночи, почти до утра на улице торчал, покой ваш охранял (удивлённая вспышка в глазах Эллы, плавно перетекающая в заинтересованный огонёк). Могу сказать даже, в какое окно нити от сети безопасности веди.

– В моё, – спокойно подтвердила главная. – Вот только я спала крепко...

– Ничего, зато я бодрствовал и никого не видел, – закончил Сергей. – Так что не всё так просто...

В столовой установилась тишина. Женщины ждали развития событий. Всем было интересно, что ответит Яга. И она ответила:

– Правда твоя, инспектор. Ставила я защиту, да перебрала вечером по своей женской слабости, могла и упустить чего... но ведь злодей мог и внутри к тому моменту быть да прячется! В то, что с улицы никто не проник – верю. Сквозь сон чуяла, как ты табачищем смердишь и вокруг здания топчешься. А кто из присутствующих охранные чары на номер свой наложил?! Никто, – ведьмы смутились. – Ни одна не додумалась. Весело им, веселуньям... Вот и сделала, как умела, за всех. А с первым лучиком всё истаяло – ходи, кто хочешь, пока вы рожи мажете. Дальше думайте теперь сами!

Два противоборствующих лагеря ещё не помирились, но по безмолвной договорённости активные боевые действия перенесли на неопределённый срок. До выяснения, так сказать...

– И что нам делать? – неуверенно спросил кто-то.

– Домой ехать, – спокойно ответила баба Фая. – По сути, ничего страшного не случилось. Так, мелкая шалость. Никто не умер, погуляли хорошо, чего праздник портить? Да и время уже подошло...

– Как ехать? – изумился Антон. – Налицо прямая попытка отравления, надо разобраться...

– Разбирайся, – безмятежно улыбнулась главная. – Кто же против? Только девчюль моих отпусти. Они почти все замужем, половина вообще сюда тайно прибыла. Если к оговоренному сроку дома не объявятся – скандалы в семьях начнутся.

– Но ведь... – не сдавался Швец.

– Содержимое флаконов я сама изучу и отчёт предоставлю. Хочешь, возьми парочку себе и лично покопайся, нам не жалко. Только у меня лучше получится. Талант я к травам имею. Телефончик вот, – на стоящий поблизости стол легла визитка. – К вечеру полный расклад будет, не сомневайся. Всего хорошего!

И Яга быстро пошла к выходу. За ней устремились и остальные. Через минуту парни стояли совсем одни.

– Как думаешь, – озвучил вертящуюся на языке мысль Серёга, – зачем бабка так старается дело замаять? Открыто об этом хоть и не попросила, но чую – так и будет.

Антон почесал затылок, совсем как приятель.

– Согласен, попробует... И я даже знаю, почему. Шума не хочет. Если другие ведьмы узнают о случившемся – позора не оберёшься. Заклюют, да и авторитет упадёт ниже плинтуса. Потому правильно бабка Фая делает – глушит на корню всякое инакомыслие. Тут она словно наш Фрол Карпович – авторитарна и бескомпромиссна.

Иванов наскоро обдумал услышанное и не нашёл, к чему придраться. Потому задал следующий вопрос.

– А мы?

– Что – мы? – не понял Швец.

– А мы что – утрёмся? Или проявим инициативу и поищем наглеца?

Призрак улыбнулся.

– А выбор есть? Или мы себя на помойке нашли? Сегодня бабам мазь подпортили, а завтра нам в штаны нагадят! И вообще! Карпович нас пока не слишком напрягает, время есть, вдохновение тоже. Потому предлагаю расценивать случившееся как личное оскорбление всего Департамента Управления Душами. Такое спускать нельзя.

– Нельзя, согласен. Тогда пошли сторожа опросим для начала, по поводу вчерашнего танцора и его свиты. Да и с администрацией этого местечка пообщаться не повредит.

Уже на самом выходе Сергей сунул руку в карман пиджака и выудил оттуда клочок бумажки с номером телефона и почти загадочной буквой «Э» внизу. Парень был готов поклясться, что ещё полчаса назад этой записки у него не было и за это время он даже близко к ночной гостье не подходил.

Ведьмы, одно слово.

...Беседа с администрацией пансионата не дала ровным счётом ничего. Скучная, монументальная тётка с шиньоном на голове, исполняющая обязанности администратора, уныло сообщила, что кроме дежурной на первом этаже и бессменного сторожа у ворот в здании, помимо арендаторов, никого не было. Поварихи и прочий обслуживающий персонал ночевали отдельно, в служебном здании неподалёку, и они не имеют привычки болтаться по ночам где ни попадя.

По недовольному прищурю и лениво сцеживаемым словам стало предельно ясно – своих она не сдаст.

Не внесло конкретики и тщательное обследование номеров, в которых ночевали ведьмы. Под недовольное бурчание бабушки-горничной и уборщицы по совместительству, инспекторы

дотошно обшарили каждый закоулок, включая мусорные вёдра, однако кроме нескольких резинок для волос да завалившейся за тумбочку дешёвенькой расчёски не нашли ничего.

Оставался сторож.

Мужичок, большой нелюбитель откровенных танцев, спал. Он предавался этому занятию самозабвенно, от чистого сердца, оглашая свою сторожку молодецким храпом и перегаром. Антон даже немного позавидовал здоровому сну трудового человека, всю ночь бдвшего на работе. А то, что расслабился немного (о чём свидетельствовали пустая бутылка из-под водки и недоеденный солёный помидор на столе) – так это дело житейское. С каждым может случиться.

– Алё, гараж! – попытался вырвать сторожа из объятий Морфея Швец. – Дело есть!

В ответ спящий лишь перевернулся на другой бок, исполнив при этом носом особо замысловатую трель.

– Да проснись ты! – не сдавался Антон.

– Может, уши ему потерять? У нас так патрульные делали, когда такое вот тело расшевелить требовалось, – предложил Сергей.

– Угу, и вместо разговора по душам получим кучу матов и обид. Тут деликатно нужно... Дай денежку, которой на пару пузырей хватит!

Иванов порылся в карманах.

– На, держи...

– Да что ты мне её суёшь! – возмутился призрак. – Я ведь её в руки взять не могу, забыл, что ли?!

Приятель виновато потупился.

– Забыл. Извини. Вот, – купюра легла на стол, на с трудом выбранное относительно чистое, не засаленное в жизненных перипетиях, место.

– Теперь по другому попробуем. Мужик! – Антон с силой затряс сторожа за плечо. – Деньги нужны?!

Результат не заставил себя ждать, хоть и несколько отличающийся от ожиданий. Спящий слегка приоткрыл один глаз, попытался сфокусировать взгляд на надоедливом госте, не смог и буркнул:

– Деньги? Давай! – а после опять уснул.

– Вот урод! – полувосхищённо такой самоотдачей любимому делу, полуроздосадованно воскликнул инспектор. – Нет, Серёга, ты видел?! Народ совсем распоясался! Даже за достойное финансирование ленится от койки оторваться! И куда страна катится?..

Иванова разобрал смех.

– Ага! Трампа ещё приплети!

Внезапно подал голос сторож.

– Америка не пройдёт! – и уже спокойнее. – Чё там у вас? Орёте над ухом, как оглашенные...

Кряхтя и позёвывая, мужичок кое-как сел, свесив ноги с кровати и хмуро поглядывая на визитёров.

– Чё надо? У меня этот... как его... отгул!

Теперь за дело взялся Серёга. Он взял со стола купюру, помахал ей перед помятой физиономией хранителя врат и чётко, разделяя слова, произнёс:

– Вчера приезжали двое. Нам нужно знать, на какой машине и как выглядели. Если вспомнишь что-то ещё, отблагодарю отдельно.

Внимательно следя за бумажным эквивалентом определённых булькающих благ, сторож неожиданно чётко ответил:

– Маловато будет.

Наконец Антон не выдержал. Он молниеносно активировал Печать, приложил её к голове жадного мужичка и властно рявкнул:

– Говори! А не то закодирую! Даже от пива блевать станешь!

Проснувшийся перепугался, даже залязгал остатками зубов.

– Чё вы... чё вы... – залепетал он. – Я ж спросонок, не поправившись... Сразу бы сказали – из органов, мол, так и так...

Теперь уже обозлился Иванов. Он демонстративно спрятал купюру в нагрудный карман пиджака, зло глянул на сторожа, а после процедил:

– Утомил ты меня, пролетарий. Вопрос повторить или сразу в ухо?

– Не надоть, – отшатнулся мужичок, окончательно придя в себя. – Докладываю: вчера около 22.00 прибыли две машины, одна чёрный жип с этим, здоро-о-овый такой за рулём, а другая поплоче, старенькая, с пареньком. Обе проследовали к главному корпусу, выехали в полночь.

– Опиши здорового, – потребовал Швец.

– Не могу, – виновато развёл руками сторож. – Тёмно было, а он наружу не выходил. Сказал только: «На кирпиратив». К бабам, значит... Я сразу распознал – мудотряс! Каждый божий год одно и то же... Тьфу! Да и другого не особо разглядел, выпимши был, – смиренно покаялся он. – Тут ещё по телеку «Дом 2» начинался...

– Ну а марка машины, модель? Особые приметы? – чуть не плача от досады, выпытывал Антон.

– Не помню, – виновато разводил руками сторож, повторяя свою мантру. – Выпимши был...

От досады Швец, не в силах сдержать нахлынувшие эмоции, забежал по комнатке.

– Ну хоть что-то ты запомнил? Хоть что-то?!

– Э-э-э, – только и смог проблеять мужичок.

Иванов задумался. Утомлённый алкоголем мозг местного властителя замков и запоров наверняка должен что-то хранить в своих глубинах. Только как эти знания извлечь?

– Антон! Не дави на него! Скажи, а видеокамеры у вас есть?

– Нету, – чуть не заплакал допрашиваемый. – Только журнал регистрации...

Призрак взвыл, схватившись за голову.

– Где? Где?! Просто покажи, без комментариев! А то мы отсюда никогда не уйдём!

– Дык... Вон... На столе лежит.

Иванов только сейчас заметил небольшую клеёнчатую тетрадь, сиротливо примостившуюся среди всевозможного хлама. Взял, открыл, начал водить пальцем.

На удивление, записи оказались в полном порядке. На разлинеенных по вертикали страницах аккуратно были отмечены дата, время въезда и выезда, госномера побывавшего на территории пансионата автотранспорта. Только в разделе «Марка автомобиля» оказался прокол. Технически безграмотный сторож попросту писал «наша» и «не наша». Видимо, копировать латинские буквы для него оказалось делом слишком сложным. А может, ленился.

Интересующие машины отыскивались быстро. В 22.20 два автомобиля, «наш» и «не наш» въехали на территорию, а в 23.50 и 23.55 покинули пансионат. Первым выехал «наш». Номера обоих прилагались. Сфотографировав записи на смартфон, Серёга ещё на всякий случай полистал страницы и, не найдя ничего интересного, бросил:

– Готово! Пойдём!

Озверевший от человеческой глупости Антон рванул к выходу, Иванов последовал за ним, однако был остановлен мужичком, мёртвой хваткой вцепившегося в рукав пиджака.

– Дык... А деньги? – дыша перегаром, с мольбой в красных, лучащихся похмельными страданиями глазах, потребовал тот.

Ответить парень не успел. К сторожу подлетел Швец и с размаху вlepил Печать ему в лоб.

– Н-на!

Хранитель врат рухнул на кровать, потеряв сознание и еле дыша.

– Не бойся, – успокоил товарища призрак. – Нормально всё. Поспит хорошо и трезвым походит недельку-другую. Ему только на пользу.

Сергей отмахнулся.

– Да нужен он мне... И так видно, что живой. Ты лучше расскажи, как так получилось. Надо же мне когда-то осваивать это оружие.

– А, вон ты о чём, – растянул губы в улыбке Антон. – Да проще простого. Когда используешь Печать, подумай об эффекте, который она должна произвести. Только формулируй точно, это же не волшебная палочка широкого профиля. Развоплощение, как и удар по мозгам, работает автоматически, тут особо рассуждать не нужно. Да и некогда, как правило. Взять под контроль – сложнее. Печать обязана в постоянном контакте с головой клиента находится и тебе при этом отвлекаться ни на что нельзя. Должно идти постоянное внушение. Чуть в сторону моргнул – и тогда или мозги ему спалишь, или все труды насмарку. В данном случае я сработал тот же самый контроль, только не на постоянной основе, а на внушении. Представь, что я очень-очень захотел сделать этого алкаша трезвенником. Как-то так. Но тренировка нужна, без этого никак.

Иванов скептически ухмыльнулся.

– Ну и где ты тренировался? Мы же в первый твой визит на Землю познакомились.

– На детоубийцах, маньяках и прочих, особо отличившихся грешниках, – нимало не смущаясь ответил инспектор. – Помнишь, я тебе говорил, что определённые категории усопших идут по особому маршруту, а не в общей очереди. Вот их и приспособили для этого дела. Неофициально, конечно, но где-то ведь учиться нужно!

Парень, услышав такое, расстроился.

– А мне где этих утырков искать? На ком практиковаться?

– Не знаю. Придумаем что-нибудь. Пошли отсюда на свежий воздух, этот синяк своим выхлопом здесь даже мух уничтожил. Нечего нам тут делать, провоняем ещё сивухой словно бомжи вокзальные...

В город добрались без приключений. По дороге Сергей позвонил знакомому силовому и пробил полученные номера автомобилей. «Наш» оказался обычной старенькой «десяткой», зарегистрированной в одном из спальных районов города на некоего Хабалкина Руслана Геннадьевича, 2001 года рождения. «Не наш» «жип» по базе не значился, а номера принадлежали явно сгнившему в бездне времён Опелю одна тысяча девятьсот лохматого года выпуска. Иванов дотошно расспросил бывшего коллегу и получил уверенный ответ, что номера теперь «кривые» – то есть незаконные. Регистрация числилась вообще в самом глухом углу области, на какого-то ветхого деда.

Антон, внимательно выслушав полученную информацию, глубокомысленно кивнул.

– Думаю, смысла искать хозяина номеров нет. Наверняка или пропил невесть когда, или помер, или сдал машину на металлолом, а тамошние дельцы подсутились. Это же их хлеб – бэушными запчастями торговать и паспорт при этом не спрашивать. Думаю, наш плясун циферки перед самым пансионатом сменил. Места там тихие, гаишникам делать нечего. Крути – не хочу. Так что пока он отпадает, данных мало... А вот с гражданином Хабалкиным пообщаться определённо стоит. Потому предлагаю не плодить вероятности и ехать к нему в гости, благо только обед.

– Угу... – пока Швец говорил, новоявленный инспектор набрал номер стриптизёра с визитки. Ожидаемо, он оказался отключён. – Глухо. Абонент не абонент... Но проверить стоило!

Приятель согласился.

– Конечно. В нашем деле мелочей не бывает. Хотя если бы сейчас он взял трубку и поздоровался – я бы обалдел первым. Человек меняет номера на машине, изо всех сил морду прячет,

ведьмам пакость подкинул, а тут вдруг раз – и здрасьте! Хотя жалко – слов нет, – закончил он. – Но номерок ты тоже пробей, мало ли... Редко кто семи пядей во лбу бывает. Да и вообще не факт, что этого танцора экзотического стиля в тёмную не сыграли. Слишком многое на неё сходится.

– Не найдём – не узнаем. А номерок обязательно пробью. У меня как раз в телефонной компании золотая женщина в знакомых есть. Не хочется лишний раз с бывшими коллегами общаться. Сам знаешь – попросишь на пятак, а расплачиваться потом полноценными рублями станешь.

Призрак развеселился.

– Это да. Менты – они такие. С кого драть три шкуры, как не со своих? Чужие ведь и обидеться могут...

Проживал гражданин Хабалкин в классической многоподъездной девятиэтажке середины восьмидесятых годов прошлого века, на шестом этаже.

– Жди тут, – уверенно заявил Антон. – Я невидимкой в квартиру проникну и осмотрюсь. Потом позову.

– Ага, – согласился Иванов. – Я во дворе покручусь.

Призрак исчез, а Серёга уселся на лавочку у соседнего подъезда и стал с интересом рассматривать людей. Это занятие всегда нравилось новоявленному инспектору. Оно здорово помогает коротать время в ожидании чего – либо и довольно сильно развивает наблюдательность. Во время службы государевой научился. Это только в дешёвых киносериалах опер мудро говорит: «Ага!» и мчится ловить очередного злодея. В жизни ожидание, пока не появится нужный пациент – огромный кусок работы сыскаря. Надо же как-то скуку скрасить.

Вот мужчина идёт нетрезвой походкой, поглядывая на одно ему известное окно где-то в высоте. Судя по простенькой одежде и опрятному внешнему виду, дешёвой сумочке через плечо и моластым, грубым рукам да красным от недосыпа глазам – с ночной смены идёт, с завода или каких-нибудь мастерских. Принял стаканчик – другой после честно отработанных человеко-часов и теперь размышляет – дома его дражайшая половинка или ушла куда по делам, будет устраивать ему скандал или нет?

А вот девчушка, лет шестнадцати. Рваненькие, по последней моде, джинсы, кеды, обтягивающая футболочка, рюкзачок за спиной. В руках – неизменно огромный смартфон; в ушах – наушники. Походка стремительная, явно куда-то успевает. Именно успевает – пока ещё не опаздывает, но на грани. На личике Сергей остановился особо. Миленькое, с явным перебором косметики, губки чуть надутые, уголки рта опущены в лёгком недовольстве, внимание полностью там, в ВК или Инстаграме. И всё вместе создавало впечатление несмываемой брезгливости на её симпатичной мордашке. Знакомый типаж. Свежесозревшая принцесса никак не может смириться с мыслью, что именно в этот момент за неё не бьются на дуэлях олигархи, а галактики не сошлись в смертельной схватке ради её благосклонного кивка. Ничего, пообтешется, поумнеет.

Мимо медленно, величаво прошествовали две молодые мамочки с колясками. Гордые от осознания собственной значимости, они являлись живым воплощением старого рекламного слогана «И пусть весь мир подождёт». У одной заагукало дитё, и Серёга невольно улыбнулся. Дети – это хорошо, особенно пока маленькие. Это потом из них вырастут космонавты и бандиты, а в коляске все лапочки.

– Сидишь, на девушек любишься? – голос приятеля оторвал от размышлений. – Ну сиди, сиди, дело хорошее... Наш мальчик на парах в институте, скоро вернётся, – продолжил Антон. – Я квартиру осмотрел – там никого. Коротко – ничего интересного, потому ждём.

Долго скучать не пришлось. Через полчаса к подъезду подъехала старенькая, усталая «десятка», неловко припарковалась и из неё вышел тот самый ночной паренёк, отвечавший за музыкальное сопровождение у разыскиваемого стриптизёра.

– Принимаем. Печать ты показываешь. Действуй, как я учил: при демонстрации максимально чётко представляй, что именно должен увидеть человек, – скомандовал Швец и инспекторы, не сговариваясь, взяли парня в «клещи».

– Хабалкин Руслан Геннадьевич? – утвердительно спросил Серёга, продемонстрировав служебную метку.

– Да, – удивлённо ответил паренёк.

Был он при дневном свете совершенно неказист, тощ, с ещё не сошедшими юношескими прыщами на лице и немного косоглаз. Всмотревшись – Иванов понял: контактные линзы у студента, но носит редко, потому и не привык к ним полностью.

– Надо поговорить, – веско продолжил он, ненавязчиво, но жёстко взяв парнишку под локоть. – Пройдёте. В квартире будет лучше. Ни к чему вам лишние уши любопытных соседей.

– К-конечно, – начал заикаться Руслан. Он с каждой секундой становился всю более испуганным и нервным. – Я не против.

Поднявшись в квартиру, прошли на кухню. Старый психологический приём, нацеленный на располагающее общение. Ведь кухня для человека не просто место приготовления и поглощения пищи, а храм, в котором делятся сокровенным с друзьями; ведут глубокие по смыслу и философской наполненности пьяные беседы об устройстве мира, походя решая макрополитические проблемы; планируют будущее и напиваются с горя. А ещё там есть холодильник, который, как известно, успокаивает своим содержимым не хуже мурчащего кота.

Антон сразу, по-хозяйски, открыл дверцу Большого Белого Брата и загремел крышками, что-то задвигал.

– О! Оладушек! – воскликнул он. – И кефирчик! С утра не ел! Ты не обидишься? – повернулся он к паренёку, грозно посверкивая стёклами своих любимых очков.

– Что?! – вскинулся Руслан, однако рассмотрев зажатые в руках Швеца пакет с молочкой и красивый, явно сделанный мамиными руками, лапоть обжаренного теста. – Нет, конечно, кушайте. Там и варенье есть, вишнёвое.

«Расположение подозреваемого к себе штука, конечно, хорошая, однако перебарщивать не стоит» – подумал Иванов и приступил к беседе, переводя праздную болтовню в деловое русло.

– Вы вчера в пансионате ассистировали некоему стриптизёру. Нас интересует его личность.

– Он в чём-то подозревается? – сразу уточнил Хабалкин.

– Нет, – успокоил его Сергей. – Вчера он стал свидетелем ДТП, в котором виновник смог скрыться с места происшествия, потому нам и хотелось бы пообщаться по этому поводу. К сожалению, сторож, ну, вы поняли... записал только номер вашей машины, а второй поленился. Теперь вот устанавливаем.

Руслан по привычке сощурился, забыв, что очков на нём нет и сразу стал похож на крота. Он потёр переносицу, затем подбородок, а после, собравшись с духом, спросил:

– А разве аварии по вашему профилю? Этим же полиция должна заниматься...

В разговор решил вмешаться Швец, уже расправившийся с оладушком и почти прикончивший кефир.

– Всё правильно, кроме одного. Машина, попавшая в неприятности, принадлежит фельдъегерской службе. Знаете такую?

Хабалкин понятиливо закивал.

– Хорошо, – продолжил материальный призрак. – Тогда не нужно объяснять, какие документы в ней перевозили и почему мы отработываем это происшествие. Может, скрывшийся – просто дурак за рулём, а может...

– Неудавшаяся попытка иностранных разведок заполучить сверхсекретные сведения! – гробовым голосом закончил Иванов.

После этих слов Руслан побелел, весь сжался, словно его готовились бить неведомые злодеи, и жалостно посмотрел на инспекторов. «Перестарались» – быстро осознали они. Нужно было исправлять ситуацию. За дело взялся Швец, панибратски перейдя на «ты».

– Ну чего ты дёргаешься? Чего ты нас так боишься? Успокойся. Мы знаем, что ты, Руслан, законопослушный гражданин, да и дело выеденного яйца не стоит. Никто никого ни в чём не обвиняет! Простой разговор! Видно, страстей по интернету пересмотрел, бедняга, про «палачей кровавого режима». Наверное, «чёрный воронок» ждёшь, пытки с иголками под ногти и пять лет расстрела через повешение?

Паренёк ничего не ответил, только ещё больше сжался. Пришлось вмешиваться и Серёге.

– Странный ты, Русланчик. Мы же к тебе по-хорошему, сами пришли, а не повесткой вызвали, и на улице по беспределу не хватали. Давай просто поговорим. После нашего ухода делай что хочешь, никто ничего тебе не скажет, если закон не нарушишь или лишнего не ляпнешь. Можешь даже друзьям хвастаться, что тебя конторские катком в бетон укатывали, пресовали не по-детски, а ты правильный пацан и не сдал блатных корешей.

– Й-я не из тех, – наконец-то начал приходить в себя Хабалкин. – Не из этих... В смысле не такой...

Инспекторы дружно рассмеялись.

– Ты хоть понимаешь, как двусмысленно звучит это твоё «не из этих»?

Не сразу, но до Руслана тоже дошла вся бестолковость его ответов. Он несмело улыбнулся и закончил:

– Не из блатных. Нет у меня таких друзей. Знаете, а я уж подумал... Про вашу организацию всякое пишут...

– Знаем. Не в лесу живём, доступ к сети имеем.

Паренёк встал, напился прямо из-под крана, затем вернулся на место. Но уже другим: спокойным, сосредоточенным.

– Вы меня извините, – немного невнятно начал он. – Перепугался я сильно. Не каждый день такие, как вы, в гости заходят.

– Нормально, – отмахнулся Швец. – Мы привыкли. Думаешь, сами не понимаем, что наши визиты радости мало приносят? Не переживай, ты ещё молодцом держался, были и послабее граждане.

– Правда?! – аж засветился от такой грубой лести Руслан. Наивному пареньку явно импонировало то, что он далеко не самый последний в списке малодушных.

Ответом ему были уверенные кивки инспекторов.

– Спрашивайте, – по-ученически сложив руки на столе, начал помощник стриптизёра. – Что знаю, расскажу. Вот только знаю я крайне мало.

Швец допил кефир и уже надул пакет, чтобы его молодецки хлопнуть, но сдержался. В последний момент вспомнил про возможность испачкаться. Расстроился, сунул пустую ёмкость в мусорное ведро. Эти, казалось бы, простые и бестолковые действия окончательно помогли создать иллюзию того, что врагов в этой кухне нет.

– Давай ты нам расскажешь про вчерашние танцы с самого начала и во всех подробностях, а мы потом уточняющие вопросы зададим, – предложил Сергей. – И предлагаю не затягивать. Наверняка батя с мамкой твои скоро с работы придут. Нам, конечно, пофиг, но зачем родителей нашими корочками травмировать? Они же потом тебе всю плешь проедят.

Хабалкин даже руками взмахнул в ужасе от такой перспективы.

– Не надо, конечно. Маму кондратий точно хватит, а батя... он у меня суровый, старых понятий.

– Выпорет? – с улыбкой уточнил Иванов.

– Не без того... – серьёзно ответил Руслан. – У меня хобби есть – я «минуса» пишу для рэперов знакомых. Это музыка для текстов, если не знаете. И заодно подрабатываю организацией музыкальных сопровождений разных мероприятий. Клиентов по интернету нахожу, у меня там объявления везде. Пока не очень дела идут, – честно признался он. – Всего три заказа выполнил.

– Ничего, какие твои годы! – успокоил паренька Антон.

– И я так думаю. Короче, три дня назад позвонил мне мужчина и предложил поработать на выезде. Цену назвал адекватную, трек-лист сразу обозначил. Я согласился – деньги ведь нужны, у родителей клянчить стыдно, они у меня люди небогатые. Да и машину заправлять надо, – криво усмехнулся он, – первую свою ласточку. А стипендия в нашем машиностроительном маленькая. Договорились, он задаток кинул...

– Подробнее, – перебил Иванов. – Каким образом?

– Через терминал пополнил, – охотно уточнил Хабалкин. – Я смотрел в онлайн-кабинете. Чаю хотите?

Инспекторы переглянулись.

– Нет, спасибо. Давай к делу. Номер телефона, с которого звонил тот мужчина, сохранился? И как он, кстати, представился?

– Димой, – на свет из кармана брюк незадачливого «минусатора», как окрестил его про себя Сергей, появился старенький смартфон с треснувшим дисплеем. Владелец девайса покопался в журнале входящих, удовлетворённо хмыкнул и повернул экран к гостям. – Вот. С этого звонил.

Номер оказался тем же самым, уже имевшемся в наличии.

– Понятно, – не показывая раздражения, констатировал Иванов. – Дальше давай.

– Да особо ничего, – пожал плечами рассказчик. – Свёл треки, взял ноутбук, усилки, остальная аппаратура со слов Димы, имелась у заказчиков; шнуры с переходниками захватил. Знаете, с этими старыми разъёмами совсем беда! У меня на первом заказе был случай...

– Не отвлекайся! – вернул ударившегося в воспоминания Хабалкина к конструктиву Антон. – О профессиональных хитростях потом поговорим, если время будет.

«Минусатор» снова попытался поправить несуществующие очки.

– Да, вы правы... Так вот, встретились мы у самого пансионата, вовремя. Он на чёрном внедорожнике меня ждал сразу за съездом с трассы. Hundai не новый, тёмный. Точнее не рассмотрел – темно было уже.

– А как ты узнал, что это он?

– Фарами Дима мне поморгал, – растерянно протянул Руслан. – Мы когда о встрече договаривались – я ему номера своей тачки дал.

Швец подошёл к окну, достал сигарету, покрутил её в пальцах. Однако курить не стал, а полубернувшись, уточнил:

– Ты его лицо видел? Или особые приметы автомобиля? Или хоть что-то, что может нам помочь?

– Нет. Цифры я не рассматривал, не додумался как-то. Лица тоже не видел. Когда приехали, он из машины уже в шлеме и плаще вышел, ещё пожаловался, что в здании раздевалки нет и приходится в машине переодеваться.

Сергей побарабанил пальцами по столу.

– Допустим... А потом?

– Потом в зал прошли, где женщины сидели. Я к пульта отправился, Дима в коридоре остался ждать, когда марш заиграет.

Иванов уцепился за эти слова.

– Вас кто-нибудь встречал?

– Нет.

– Этот, так называемый, «Дима» тебя сразу к залу повёл или дорогу у кого-нибудь спрашивал?

– Нет. Сразу.

– Рабочее место тоже он рассказал, где искать?

– Да...

Швец выглядел задумчиво. В разговор не лез, анализировал ответы. И результаты ему не нравились.

– Ну хорошо, а потом что было? – выцарапывал Серёга информацию из мало что понимающего студента.

– Потом выступление закончилось, мы встретились в коридоре, он заплатил мне обещанное, и я домой погнал.

– Шлем этот Дарт Вейдер снимал?

– Нет. Я же его прямо за дверями из зала догнал. Боялся, что кинет на бабки. Как только он вышел, так я за свои кровные и спросил. Рассчитался сразу, из конверта. А потом я быстро уехал, с утра ведь в институт идти, хотелось немного выспаться... Дима за мной двинул. Переодевался, видимо, в салоне.

– А как ты не побоялся ехать вечером за город? Всякое случается. Ты же, как продвинутый пользователь интернета, должен об этом знать.

Хабалкин удивился.

– Так я с батей был! Он на заднем сиденье спал! Вы что думаете, я ничего не понимаю?

– Да понимаешь, понимаешь... – расстроено ответил Иванов. Ему уже стало понятно, что вся эта беседа – пустышка. Ничего этот Руслан не знает и, похоже, не врёт.

Антон думал так же. А после вздохнул и произнёс:

– Что же, давай прощаться, спасибо за помощь! – и приложил свою Печать к затылку паренька.

Тот обмяк, закрыл глаза и захрапел.

– Ты что, ему память стёр? – удивился Иванов, быстренько переписывая номер телефона Руслана и на всякий случай покопавшись в его смартфоне. Ничего интересного. Адрес терминала, к сожалению, почему-то не отображался; среди СМСок и в прочих мессенджерах тоже пусто.

– Нет, в глубокий сон отправил. На память у нас полномочий нет. Когда студент проснётся, то и сам не поймёт – сон мы или явь. Пошли отсюда!

Снова открылась дверь холодильника и в руке Швеца появился новый оладушек.

– Будешь? Вкусные...

На улице дела решили не обсуждать, направились в замеченное неподалёку кафе. В тихой, на удивление спокойной для рабочего района обстановке практически пустого заведения заказали по кружечке кофе с коньяком.

Напиток оказался тоже весьма и весьма. С наслаждением пригубив, Антон решил вернуться к делам служебным.

– Что, голяк выходит?

– Ага, – глядя в кружку, словно пытаясь найти в ней ответ на интересующие вопросы, ответил Сергей. – Ловкий гражданин нам попался. Продуманный. И самое обидное, в этот блудняк мы сами вписались! Никто ведь не просил, правды не искал. Да я раньше терпелу, приди он ко мне с такой фигнёй, послал бы куда подальше! А теперь заднюю не дашь, придётся для поддержания чести... Печати до упора копать. Иначе грош нам цена, да и бабы так осла-

вят своими языками – до конца дней на турбазе сидеть придётся, не высовываясь. А если и не ославят – не легче. Они будут знать, мы будем знать, и получится «знают двое – знает и свинья», – закончил знаменитой поговоркой киношного Мюллера Иванов.

Швец, задумчиво слушавший монолог приятеля, с интересом посматривал на полки за спиной бармена. Выбор был так себе, но основные напитки имелись. Подумав, инспектор решил не «мешать» и подозвал официантку.

Та не заставила себя ждать.

– Милая, – душевным, человеческим голосом начал Антон. – А принеси-ка нам бутылочку коньячка, нарезочку из фруктов и шоколаду. Чёрного, горького, плитки две.

В ожидании заказа он подпёр подбородок рукой и внимательно уставился на приятеля.

– Не впадай в уныние, которое грех. Ну не получилось нахрапом – случается. Так даже интереснее. Пока не выложились на сто двадцать процентов – говорить о тупиках, как и допускать панические настроения, противопоказано. У нас вариантов масса! Первый: поговорить с каждой ведьмой в отдельности. При всех кто-нибудь могла и промолчать, а один на один ответит. Второе: телефончик проверить, сам говорил. Третье: дождаться результатов экспертизы, которую Яга нам обещала. Четвёртое: попробовать разыскать ту платёжную машинку, договориться и посмотреть видеозаписи с камеры терминала, где этот «Дима» денежку переводил. Пятое: поискать нашего плясуна через коллег по цеху. Сдаётся мне, мирок у них тесный. Все всех знают, или имеют общих знакомых, на крайний случай. И это я тебе сходу идеи выдал, а если напрячься и как следует подумать? Как минимум ещё столько же получится. Потому не переживай, найдём мы этого недоотравителя. Другого боюсь...

– Чего?

– Что Фрол Карпович нас озадачит ни к месту. Будем потом как бешенные Бобики носиться, ничего не успевая. Прав ты пока в одном – если обделаемся, то позору не оберёмся. Репутация в минус уйдёт. Да! – спохватился он. – А зачем ты про ДТП рассказал?

– А что нужно было рассказывать? Правду? Так перепугается ещё. А ДТП – оно вроде как штука мелкая, нестрашная, с каждым случиться может. Всегда прокатывает.

Антон подумал, и согласился.

– При мне обычно про найденные документы байку лепили. Но и так тоже ничего.

В этот момент заказ уютно разместился перед инспекторами. Швец ловко вскрыл бутылку, разлил содержимое по небольшим бокалам и торжественно объявил:

– Предлагаю расслабиться и отдохнуть! Иначе мозги закипят. Я толком не спал, у тебя тоже вон, глаза красные как у кролика. Потому, как старший по сроку службы, приказываю: Вздрогнули!

А вечером отзвонилась Яга, разбудив спящего после бессонной ночи и коньяка Иванова. Без предисловий и крайне лаконично сообщила, что проведенный анализ кремов и притинок из подарочных наборов показал: в состав добавлены несколько вполне безобидных трав, способных в определённых пропорциях вызвать аллергическую реакцию в 99% случаев. Не смертельную, легко излечиваемую. Сделать такую подлость мог кто угодно, мало-мальски знакомый с азами травоведения.

Также баба Фая уведомила, что все пострадавшие ведьмы уже излечились и вполне хорошо себя чувствуют. В конце добавила:

– Ребята, забудьте вы эту чепуху. Ну пошутил кто-то, а вы и перья распушили. Мы не в претензии, нам шум ни к чему. Потому предлагаю считать инцидент исчерпанным и больше к этой теме не возвращаться.

Внимательно выслушав и сухо поблагодарив звонящую, Сергей не согласился с мнением старшей колдуньи и вытребовал у бабки полный список всех присутствовавших на Ведьмино

Кругу, с телефонами и адресами. Яге явно не понравилась такая прыть инспектора, однако спорить она не посмела, быстро предоставив все данные.

Отключив связь, парень решил не переворачиваться на другой бок, а позвонить, пока ещё не совсем поздно, своей знакомой из телефонной компании, к которой принадлежал номер на визитке стриптизёра.

– Алло, Серёжа? – удивлённо ответил густой женский голос. – Давно не слышала...

Светлана, именно так звали знакомую, не стала тянуть с расспросами, а сразу, выслушав просьбу инспектора, приступила к делу.

– Номер я записала. Посмотрю, кто и что... Тебе горит?

– Нет, точнее не слишком, – подумав самую капельку, ответил Сергей. Ему не хотелось слишком напрягать хорошего человека. И так на чистом энтузиазме помогает. – Дня два-три точно есть.

– Отлично. Тогда я постараюсь подробнее разузнать и перезвоню. Сам как? Слышала, тебя после ранения уволили. Не хочешь к нам, в службу безопасности? Неплохая работа, платят опять же, нормально. Я похлопочу.

Вежливо отказавшись, Иванов закончил беседу, сладко потянулся и прислушался к звукам, доносящимся из-за прикрытой двери в кухню. Негромко работал телевизор, лилась вода, позвякивала посуда. «Машка порядки наводит» – подумалось инспектору и в душе наступило то самое умиротворение, которое может дать только свой дом и своя постель в конце трудного дня.

Счастливо улыбнувшись, он закрыл глаза и приготовился спать дальше, как вдруг в голове, сама собой, вспомнилась история знакомства со Светланой...

... Суточное дежурство проходило весело и с задоринкой. Три квартирные кражи, угон, два грабежа, крайне мутное изнасилование, откровенно воняющее шурыгинщиной (удалось разрулить без заявления), несколько краж из автомобилей. И это в промежуток с восьми утра до трёх часов дня! Самое веселье начнётся позже, после пяти, когда народ с работы пойдёт.

Оперуполномоченный Иванов заполнял случайно образовавшийся «тихий» час текущей писаниной, опытно, почти не задумываясь, подготавливая материалы либо для передачи в следствие, либо на отказной.

В дверь уверенно постучались.

– Войдите!

В кабинет вошла немолодая женщина воистину великанских габаритов. Ростом метра под два, в ширину не менее полутора. При этом одета она была весьма дорого и со вкусом, что редкость среди дам такой комплекции. Только грязная. В руках у неё были два здоровенных пакета с каким-то тряпьем.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась дама. – Меня к вам дежурный направил. Заявление написать, – непонятно зачем уточнила она. Как будто к дежурному оперу ходят и по другим поводам.

– Проходите, присаживайтесь, – Иванов рукой указал на стул для посетителей. – Что случилось?

Женщина села, поставила пакеты рядом с собой и, неожиданно зардевшись, ответила.

– Меня полчаса назад пытались изнасиловать и ограбить.

У Серёги отвисла челюсть. Нет, не из-за пошлых мыслей по поводу её размеров, а по поводу самого факта случившегося. В голове опера ураганом пронеслись мысли о взбучке от начальства, если он примет такое заявление и испортит показатели отделу, о долгом и скучном оформлении бумаг с неприятными подробностями, об ушате человеческого горя, готового вылиться на него. Опыт говорил: от такой тётки не отмахнёшься и байками не отделаешься. Да и не хотелось, если честно. Это же не пионерка после вписки протрезвевшая, с претензией на деньги. Тут по-честному нужно.

Придвинув к себе чистый лист и ручку, Иванов со вздохом предложил:

– Давайте вы мне пока не под запись расскажете о происшедшем, чтобы картина случившегося мне максимально чёткой представилась, а протоколы потом. Итак, как мне к вам обращаться?

– Светлана Васильевна Неманежина. Я домой шла, через парк. Сегодня пораньше с работы отпросилась, дети приезжают... И когда проходила у забора, ну, там ещё тропинка есть удобная, чтобы к проспекту выйти, – Серёга кивнул. Он знал это место. Глухое, замусоренное шприцами и пустыми бутылками, но крайне популярное среди любителей сделать путь покороче, а не пойти как все нормальные люди – по аллеям. – Вот, – продолжила она. – И когда шла – на меня детишки набросились скопом. Повалили, сумку из рук вырывают, а один и орёт: «А давайте эту тётку вые...»!

– Я понял, – перебил опер. – Расскажите о детях подробнее. Сколько, возраст, особые приметы, ну и прочее, что вам покажется важным. Упоминайте любую мелочь, даже, на первый взгляд, несущественную.

– Ой, да что там рассказывать... Шестеро их было, лет двенадцати или тринадцати. Они меня как к земле прижали, так курточки поскидывали, штанишки вниз тянут, суетятся, за юбку дёргают, а мне и смешно! «Вот, – думаю, – и дожилась ты, бабка, до изнасилования. Значит, не совсем старуха». Дети, – она с жаром всплеснула руками. – Чисто дети, как внуки мои. Один только гнусный. Длинный, прыщавый, худой, как глист. Ножичком размахивал, запугать хотел. Он у них самый старший, похоже, белобрысенький этот.

– Ну какая вы бабка, Светлана Васильевна, – подольстился опер. – Бабки – они на скамеечке у подъезда сидят, семечки лузгают, если есть чем. А вы на них ни капли не похожи.

Такая неприкрытая лезть пришлась женщине по вкусу. Она засмузилась и даже сделала попытку пригладить на себе помятую одежду. На пол посыпался разнообразный растительный мусор: сухие травинки, земля, пара мелких веточек. Это смутило её ещё больше, однако Иванов этого уже не заметил.

– Белобрысенький? Худой? В прыщах? – уцепился он за последние слова потерпевшей.

– Да. Вы его знаете?

– Нет, – соврал Сергей.

Он знал этого козлёныша. Виталик Смешко – начинающий преступник, типичный продукт жизнедеятельности доморощенных правозащитников и активистов-любителей.

Жил гадёныш в местном детдоме и в свои неполные четырнадцать лет успел прославиться знатно. Мелкие кражи, грабежи, отжим денег у младшекласников в окрестных школах, АУЕ во всей своей идиотской красе. Теперь вот и попытка изнасилования.

Что с ним делать – не знал никто. Привлечь по закону – нереально. Запугивать карательными органами – да плевать он на них хотел. Спецшкола для трудных подростков – опять мимо.

Виталик имел приличный актёрский талант, чем крайне активно пользовался. В случае очередных неприятностей с органами правопорядка он умело плакал, клялся, устраивал истерики и имитировал эпилептические припадки. Пока неумело, но с каждым разом всё лучше и лучше. А ещё он писал «добрым дяденькам и тётенькам» из различных правозащитных фондов о том, как его все обижают, белого и пушистого. Хорошо писал, много.

Обращения Смешко имели определённый успех среди желающих попиариться в прессе над угнетением «деточки» и в очередной раз облить грязью руководство детдома.

В общем, с ним попросту никто не хотел связываться. Воспитатели и педагоги старались общаться со Виталиком по принципу «не тронь пока не пахнет»; соответствующие службы, призванные законом работать с несовершеннолетними, поступали так же. Все ждали, когда ему стукнет четырнадцать и он наконец-то сядет в нормальную тюрьму, а за что – за Виталиком не заржавеет.

И теперь этот ублюдок, ошалев от безнаказанности, собрал банду таких же малолетних утырков и перешёл на откровенный гоп-стоп с отягчающими. Вышел, так сказать, на новый уровень.

Но ничего этого Иванов рассказывать не стал, лишь обречённо вздохнул.

– Давайте дальше. Что случилось потом?

– Да ничего. Я их с себя стряхнула, ногой топнула, одного даже по жопе успела приложить. Они и разбежались. Куда им, маленьким, против меня. Я в молодости на стройке прорабом работала, научена мужиков гонять.

– А белобрысый?

– Матерился, поганец, прыгал вокруг, пока я его сумкой не навернула. Рот бы ему с мылом вымыть за такие слова.

«Хорошо, что пырнуть ножичком смелости у Виталика не хватило, но это пока. Следующему терпите может так и не повезти» – подумал опер, а вслух спросил:

– Ясно. Разбежались мелкие. Что дальше было?

– Ничего. К вам пошла. Надо же сообщить.

– Надо, – уныло согласился Серёга. – Давайте заявление писать. Паспорт с собой?

– Зачем? – искренне удивилась Неманежина. – Ничего же толком не случилось. Я цела, сумка с деньгами на месте, вещи постираю. Да и домой мне надо, к приезду своих готовиться...

В душе у опера зародились невнятные надежды на то, что всё обойдётся и от заявления потерпевшая откажется. Немного подумав, он спросил:

– А пришли зачем? Только сообщить?

– Нет, конечно, – Светлана Васильевна засуетилась. – Курточка принесла, они же без них разбежались, стервецы – рука женщины указала на два пакета у ног. – Мамки ведь наругают, если домой раздетыми придут. Октябрь как-никак. Вы уж им отдайте, если обратятся...

– Отдадим, – клятвенно заверил Серёга. – И попросим ума в задние ворота всыпать.

– Оно и правильно, – неожиданно согласилась Неманежина. – Раньше ремень – первое дело был! И ничего, и в космос летали, и БАМ построили. А теперь, – она в сердцах махнула мощной рукой, – чадолюбие сплошное. Они и дуреют... Пойду я, – потерпевшая встала, достала из сумки небольшую визитку и положила на стол. – Если что – звоните.

Выпроводив потерпевшую, перетряхнул курточки. В карманах оказался стандартный набор малолетки: спички, зажигалки, дешёвые сигареты, обёртки от конфет, всевозможные бумажки, скорлупа от семечек, немного мелочи. Подумав, вынес барахло на помойку. А вот визитку, самую простую – ФИО и номер телефона, припрятал в карман до поры.

Иванову было стыдно перед этой доброй женщиной. Стыдно за собственное бессилие, за невозможность защитить ту, которая, против сегодняшнего обыкновения, не тыкала камерой смартфона ему в лицо, с воплями требуя «всех найти и расстрелять», не угрожала, не козыряла высокопоставленными знакомыми. Она просто их простила, дураков малолетних. А это стоит много!

Почему Серёга тогда решил это дело так не оставлять – опер и сам не понимал. Просто знал – поступает правильно.

На следующий день, сменившись с дежурства, он позвал пару приятелей из отдела и наскоро обрисовал им ситуацию, а затем предложил немного восстановить справедливость. Виталика знали все, потому особых возражений не последовало.

... Опера поймали малолетнего урода прямо во дворе детдома и, не церемонясь, скрутили в бараний рог. Смешко пытался кричать, плевать, даже укусить попробовал. Только куда ему, сопляку, против тёртых сотрудников розыска!

На вопли из здания высыпала половина воспитанников. Подходить мелкие боялись, издали пожирая глазёнками такое невиданное зрелище: «правильного пацана по беспределу ломают». Подтянулись и педагоги.

– Детей уведите, – крайне хамским тоном (с закосом под делового) приказал Иванов. – У нас тут разговор намечается...

– Но позвольте! – попробовал возмутиться незнакомый пузатый мужик в мятом костюме, видимо, один из учителей. – Что происходит?!

К этому моменту приятели опера уже оттащили брыкающегося Виталика за школу.

– Справедливость, – радостно ответил опер и показал зажатый в руке солдатский ремень с бляхой. – Вот, воспитатель родом из СССР. Батин, по наследству достался.

– Вы его будете бить? – почему-то шёпотом спросил пузан.

– Воспитывать. Вы же не справляетесь. И вообще, шли бы вы отсюда. Уроки, наверное, сейчас идут. Вернётся к вам ваш Виталичек, минут через десять. Да! Снимать на камеру не советую. Не надо.

Откровенно злой вид крепкого парня напомнил всем присутствующим о том, что поговорка «моя хата с краю» иногда очень разумна. Да и не было здесь человека, готового бескомпромиссно стать грудью на защиту Смешко. Всех он достал.

– Мы этого так не оставим, – угрожающе брякнул мужчина и первым вернулся в здание. За ним потянулись и остальные.

Ничего не ответив, Серёга поспешил за приятелями. Нашёл он их в глухом, невидном со стороны углу, за хозпостройками. Малолетка стоял на коленях и откровенно трясся от страха – он впервые в своей безмозглой жизни столкнулся с неприкрытой, враждебной силой.

– Ну что, насильник хренов. Сейчас мы тебе курсы благородных манер устроим, – прорычал опер. – Ставьте его на четыре кости и рот тряпкой зажмите!

А дальше была экзекуция. Старый ремень со звёздной бляхой не знал слов пощады и всепрощения, а просто делал своё воспитательное дело в районе филейных частей ублюдка.

Один из коллег, по просьбе Иванова, снимал сеанс наказания на смартфон. Грамотно снимал, без лиц. Только перекошенная от боли и ужаса физиономия Виталика пару раз попала в кадр.

Закончив порку, Серёга веско, утверждающе объявил:

– Слышь, козлина! Если ещё раз ты, гнусь, хоть кого-то обидишь или чего украдёшь – так легко не отделаешься! В бабское платье нарядим, палку полицейскую в очко вставим и сфоткаем для памяти. И пойдёт та фотография за тобой по жизни, как приклеенная. А там потом сам объясняй по понятиям, что тебя по беспределу опустили! Усёк?!

– Да, – проблеял Смешко, заливаясь слезами. Он до сих пор не верил, что с ним, с «правильным», как он считал, пацаном могло такое произойти. И своим звериным чутьём законченного ублюдка понимал – эти дядьки не шутят. Сказали – сделают.

– И «нахалку» тушью оформим – три точки на лбу, чтобы приличные люди от тебя не законтачились! – добавил один из коллег.

Оставив обмочившегося во время порки Виталика запивать обиду слезами, быстро покинули территорию. Как потом стало известно, малолетку, по его просьбе, перевели в другой детдом, в другом городе. Больше о нём Серёга ничего не слышал. Сидит, наверное, понятия на практике изучает...

А через пару дней Иванов позвонил по номеру на визитке, оставленной Неманежиной. Договорились встретиться у неё на работе.

В назначенный час опер прибыл по указанному в разговоре адресу и с удивлением обнаружил, что попал в региональный офис одного очень известного оператора мобильной связи. Молчаливый охранник провёл его на тихий этаж с суперсовременным ремонтом, открыл дверь в один из кабинетов. Там, в глубине, за офигенно дорогим, размером с диван, ореховым столом восседала потерпевшая.

– Здравствуйте, – ласково улыбнулась женщина, – Проходите. Вы в прошлый раз не представились.

– Сергей. Сергей Иванов, – чувствуя непреодолимое желание вытянуться чуть ли не во фронт, промямлил опер. Ну робел он ещё в высоких кабинетах. – Я к вам по поводу того случая...

– Да вы присаживайтесь, – Светлана Васильевна указала на два кожаных кресла у стены. – Чай, кофе?

– Нет, спасибо. Я, собственно, вот... – и включил видеозапись на смартфоне.

Неманежина досмотрела до конца, не выразив на лице абсолютно ни одной эмоции. Затем сказала:

– Жалко дурачка, но воспитывать нужно.

И больше она к этому вопросу никогда не возвращалась.

Хотевшего было откланяться Серёгу женщина мягко, но властно, остановила, усадила в кресло и напоила чаем. А дальше беседа завязалась сама собой, как с доброй, понимающей тётушкой. О жизни, о работе, о разном. Успели и посмеяться, и даже раскрыть немного душу друг другу. Успели даже перейти на «ты», совершенно не обращая внимания на разницу в возрасте.

Однако образ любезной Светланы Васильевны несколько померк после пары телефонных звонков, в которых она кого-то отчитывала железным голосом фюрера. Властно, напористо, безапелляционно.

– Что, – заметив лёгкое удивление Иванова, усмехнулась она. – Думаешь, какая я разная?

– Нет, конечно, – оперу не хотелось обсуждать такие вещи, потому он немного юлил.

– Да вижу, что интересно, – продолжила Неманежина. – Я тут уже пятнадцать лет работаю, вон, в чины выбилась. Мне по-другому нельзя, работать сотруднички перестанут. Положение, знаешь ли, обязывает, – как-то очень по-женски, словно сожалея о вынужденной жёсткости, закончила она.

– Нормально всё. Пойду я, работы много, – в очередной раз попробовал откланяться Иванов.

– Знаешь, Серёжа, спасибо тебе. Ты на моей памяти первый мент, который просто взял и сделал, что следует. Я, когда в вашу контору шла, прекрасно понимала, что моё заявление вам и не упиралось ни в одно место. Не верила, что найдёте хоть кого-то. Да и дети, опять же... Мои внуков редко привозят, не интересно им со мной. Потому и жалею, тянет меня к детишкам. Они ведь хорошие, просто глупенькие... Ой! Ладно... Не слушай сентиментальную тётку... Ты обращайся, если что. Нет, правда, обращайся! Я ведь знаю, какие сложности у вас с биллингом или распечаткой звонков. Пачками запросы идут.

– Спасибо.

Для территориального опера в те дни это был царский подарок. И сегодня он пришёлся очень даже к месту.

Закончив предаваться воспоминаниям, Иванов сладко потянулся и уснул. Он точно знал: добро делать приятно и иногда даже полезно.

Следующие три дня прошли в сплошной суете. Честно разделив полученный список ведьм почти пополам, инспекторы сумели побеседовать с каждой, включая ученицу Яги. Элла, к большой радости Иванова, досталась Швецу. Ну не горел он желанием с ней общаться, опасаясь неудобных ситуаций.

Вся эта беготня не дала ничего. Нет, парням пришлось выслушать много слов, прочувствовать массу эмоций, узнать о подозрении всех на свете из-за зависти к ним, красивым. Но по сути ничего. Объективных мыслей ни у кого из женщин не оказалось, как и фото или видеосъёмки с мероприятия. Да и не рвались они вспоминать прошедшие события. Ни к чему им это, правду сказала Яга.

От первоначального плана мероприятий оставались стриптизёры и терминал. К сожалению, Светлана до сих пор не отзвонилась, потому парни решили сконцентрироваться на исполнителях экзотических танцев.

Ближе к вечеру, насилу отбившись от прослышавшей о планах приятелей и норовящей увязаться за ними любопытной Машки, направились в самый модный городской клуб. Пришли заранее, до начала выступлений, чтобы пообщаться в спокойной обстановке и не отвлекать людей от работы.

Здоровенный охранник на входе, увидев Печать, удивлённо хмыкнул, однако опытно ничего не сказал, лишь рукой махнул «проходите, мол». По полутёмным, необычно тихим помещениям клуба долго блуждать не пришлось. Первая же девочка-официантка, попавшаяся на пути, уверенно указала на неприметную дверь возле сцены.

– Вам туда. Вторая дверь налево, – и убежала дальше по своим делам.

Охранника на входе в гримёрные и прочие подсобные помещения не оказалось. Рано ещё, что ему здесь делать, потому инспекторы без всяких проблем зашли «за кулисы» заведения.

Сразу за дверью открылся унылый, простецкий коридор, заставленный всяким барахлом: коробками, непонятными железяками явно гимнастического назначения, пластиковыми бутылками из-под воды. Имелась и пара ростовых зеркал, в которых весьма выгодно отразились вошедшие. Антон даже покрутился немного, с удовольствием рассматривая свой интеллигентный вид и приглядив костюм.

– Красавчики, – удовлетворённо сказал он и постучал нужную дверь.

– Да! – отозвались оттуда, – Входите, не заперто!

В крохотной комнатке, обклеенной афишами, рекламками, с горой непонятный костюмов в углу, готовились к вечернему выступлению двое невысоких парней. Оба с рельефной мускулатурой, мощные, сильные, и в тоже время гибкие и грациозные, словно львы. Работники шоу-бизнеса были заняты крайне важным делом – развалившись в креслах у небольших гримёрных столиков, заставленных разными профессиональными баночками и непонятными скляночками, пили чай.

– Добрый день, – начал Сергей, готовясь продемонстрировать Печать. – Мы из...

– Да понятно, – махнул рукой один из сидящих. – Мы родные органы уже без документов отличаем. Проходите, спрашивайте.

– А что, часто проводят? – вклинился Швец. – С чего бы? Мы, к примеру, впервые сталкиваемся с представителями вашей профессии.

Стриптизёры, как по команде, улыбнулись. Их явно забавляло незнание Антона.

– Я Игорь, он – Димка, – произнёс всё тот же танцор, жестом представив и коллегу.

– Сергей. Антон, – не стали секретничать и инспекторы. – Так откуда такие познания?

– Это же клуб! – авторитетно заявил Дмитрий. – Увеселительное заведение для тех, у кого есть деньги. А где веселье – там и наркота. А где наркота – там и органы пасутся.

– В каком смысле? – последняя фраза не понравилась Иванову. Его хоть и выперли на гражданку, однако отстоять честь мундира он считал своей святой обязанностью.

– В разных, – поняв двусмысленность сказанного утверждения, вмешался Игорь. – По-всякому бывает.

Дальше эту тему присутствующие мудро решили не развивать. Не став затягивать возникшую неловкую паузу, Швец решил не ходить вокруг да около, пытаясь сомнительными методами разведбеседы выяснить интересующий вопрос, а заявил в лоб:

– Нам нужно найти вашего коллегу. Работает в костюме этого...

– Дарта Вейдера, – подсказал Иванов.

– Ага, его самого... Несколько дней назад выступал перед тётками в пансионате за городом. Маску не снимал. Имеет тёмный внедорожник. Можете помочь?

Танцоры задумались. Игорь даже закусил губу от раздумий. Затем выдали:

– Видео или фото есть?

– Нет, к сожалению. Только словесный портрет: на вас в раздетом виде похож очень, – развёл руками Антон.

Танцоры переглянулись, а потом почти в унисон ответили:

– Нет. Не сможем.

– Почему?

– Потому что не знаем, – добавил Дмитрий. – Не отказываемся помочь, а именно не знаем.

– Уточните, – бросил раздражённый таким ответом Серёга.

– Да легко, – охотно парировал Игорь. – Раз человек нашей профессии скрывает лицо – значит есть причины. Может, это у него любительская подработка, а днём он в офисе штаны протирает, карьеру строя – такое часто случается. Может, он в каком-нибудь другом клубе работает по контракту, а тут решил залевачить. Тогда ему лицо попросту светить нельзя. Лицо, как правило, бренд заведения, этот момент особо прописывается. Может, ваш разыскиваемый вообще из другого города. Здесь учился – по вечерам танцами подрабатывал. Институт закончил – вернулся в родной Захопинск к родителям, а рекламку свою в интернете сохранил. Корпоративы часто хорошие деньги приносят, иногда как за два месяца на заводе за вечер заколбасить можно. Я как раз из таких. Сейчас на пятом курсе, а потом домой. Здесь вот на квартиру зарабатываю, чтобы с родителями не жить. Могу продолжить причины перечислять, если хотите...

– Ну а рожу студенту зачем прятать? – не унимались инспекторы, изо всех сил надеясь вытянуть хоть что-то из этой беседы.

– Чтобы на знакомых не нарваться, которые потом мамке с папкой настучат, – серьёзно ответил Дмитрий. – Были случаи. Даже у нас, в клубе. Приходила года два назад родня одного паренька, скандал до небес закатила, прилюдно. До сих пор вспоминать стыдно. Бедолага тут всего неделю перед этим отработал и потом больше не появлялся, хотя талант имел – не отнять. Все почему-то думают, что мы – проститутки.

– А на самом деле, как?

– Каждый сам за себя отвечает в этом вопросе, – равнодушно пожал плечами танцор. – Мы с Игорёхой – не балуемся. За других не знаем. Свечку не держали, сплетен не собирали.

Было видно, что этот вопрос ему задают не впервые и стриптизёр давно забил на таких любопытствующих и их мнение. Спросили – ответил, а дальше каждый пусть думает в меру своей испорченности.

– То есть вариантов, откуда может быть наш танцор, масса, – подытожил Сергей. – Я правильно понял?

– В общем да.

– А машина? Может, подскажите что?

– И тут мимо, – прихлёбывая чай, ответил Игорь. – Знакомых на похожей тачке у нас нет. Да и машина вполне может быть арендованная. Я, к примеру, часто так делаю, если за городом работа выпадает. Живу в центре, ездить мне особо некуда, потому напрокат брать проще...

Дмитрий неожиданно ловко, почти незаметно пнул коллегу ногой. Тот отмахнулся.

– Димон, ты думаешь, парни не догадываются, что мы тут не на одну зарплату с чаевыми живём? Да они это к вечеру знать будут, если захотят. Так зачем темнить? То мероприятие не мы работали, а наши взаимоотношения с клубом им до лампочки. Да и если попрут отсюда – не обижусь. Уже своя клиентура имеется. Может и не так часто выступать придётся, но с голоду точно не подохну. Как и ты, впрочем.

– Это да, – согласился второй танцор.

Дослушав перепалку, Швец на всякий случай спросил:

– Может, посоветуете что?

Стриптизёры снова задумались, после Дмитрий ответил:

– Да нет, ничего такого... Стандартное всё. Покатайтесь по клубам, поговорите с парнями. По объявлениям попробуйте пробить, среди одиночек – только это вы и без нас знаете. А больше ничего на ум и не приходит.

Игорь согласно закивал головой.

Простившись, инспекторы вышли на улицу.

– Ну что, начнём объезжать все клубешники? – уныло уточнил Иванов.

– Вариантов нет. И по объявлениям, будь они не ладны, работать придётся... – тоже нерадостно ответил Швец. – Да что же за непруха такая! Казалось бы – несчастные прыщи раскрыть не можем!

В это время запиликал смартфон Сергея.

– Тихо! Знакомая звонит – поднял он руку, призывая приятеля к тишине, а затем ответил. – Алло...

– Здравствуй Серёжа, – голос Светланы Васильевны звучал нейтрально. – Не смогла я толком тебе помочь. Номерок, который ты мне дал – для объявлений.

– Это как?

– Ну как люди себе отдельные карточки заводят – не знаешь? Дают объявление по интернету, а чтобы всякие дебилы не наяривали круглосуточно – берут отдельную симку, вставляют в старый телефон и включают по мере надобности. Так и здесь. Да и не активен номерок. За последние год принял буквально несколько звонков, я номера тебе позже скину. И на два номера позвонил.

– А раньше?

– Молчал. В смысле не пользовались им. Так, иногда по мелочи деньги бросали из терминалов, чтобы не отключили за неуплату. Это в течение трёх лет с половиной, более ранние данные не сохранились. Хотя сам номер оформлен десять лет назад.

– Так это же хорошо! – обрадовался инспектор. – Значит есть паспортные данные!

– Хотелось бы, – кисло протянула Светлана. – Проверила я этот момент. Данная серия участвовала в акциях по бесплатной раздаче в торговых центрах, а там сам знаешь, девочки – студентки на подработке ради плана от балды паспортные данные рисовали, чтобы норму выполнить. Тот, что ты дал, к примеру, оформлен на Сергеева Сергея Сергеевича, 01.01.1900 года рождения, улица Дуракова 1. Кто их в те дни проверял, дурёх этих?.. Как сейчас помню – главный офис тогда вал по покрытию требовал, несмотря ни на что. С конкурентами бодались. А теперь вот, расхлёбываем...

– Да...

– И это ещё не всё, Серёженька. Готовься, добивать буду.

– Валяй... – обречённо вздохнул парень.

– Первый входящий в этом году, как и в том, были приняты на территории Казахстана.

– Где? – не веря своим ушам, переспросил Иванов.

– В Казахстане, точнее не скажу. В роуминге. Получается, твой клиент в определённый день включил телефон, поговорил с кем надо и приехал к нам. Даже боюсь спрашивать, зачем.

– Фигасе... Ну хоть что-то хорошее есть?

– В городе он сделал пять звонков из разных мест, потому биллинг толком тебе ничего не даст. Зато есть адрес терминала, где он счёт пополнял шесть дней назад. Я его тебе тоже сброшу вместе с примерным временем проведения оплаты. Сам понимаешь, деньгам ещё дойти к нам нужно. Но там не долго, не переживай. До получаса максимум транзакция занимает. Так вот, это – магазин. Съезди на удачу, может, камеры твоего злодея записали. С терминала по-быстрому посмотреть вряд ли получится – хозяева в столице сидят и пока запрос к ним дойдёт – рак на горе свистнет. Больше, извини, помочь нечем.

– И за это спасибо, – искренне поблагодарил инспектор. – Буду должен.

– Да ничего ты не должен, – неожиданно рассмеялась Светлана Васильевна. – В гости заезжай, чаю попьём. И с тебя история об этом деле, если она не секретная. Я ведь женщина страсть какая любопытная. Расскажешь?

– Конечно. Только потом, когда найдём жулика.

Нажав кнопку отбоя, Иванов подробно пересказал беседу приятелю, присовокупив в конце:

– Предлагаю сейчас в магазин ехать. Там записи с камер долго не хранят. Мудотрясов, – тут он сплюнул. – Вот же привязалась терминология!.. В общем, ими потом займёмся.

Снова пикинул смартфон, приняв сообщение от Светланы. Просмотрев полученные цифры, Сергей не удивился. Там значились лишь номера Хабалкина и Ирины Павловны (все предоставленные Ягой контакты Иванов тщательно записал и носил с собой. Вот и пригодились). Оставался терминал...

Магазин с «пополняшкой» расположился в одном из жилых кварталов города и относился к торговым точкам «шаговой доступности», а попросту занимал одну из переделанных квартир на первом этаже жилой высотки. Вход по ступенькам с улицы, узкие проходы между стеллажами, кассир на выходе да дремлющий охранник в зале. Ничего необычного. Инспекторам довольно легко удалось убедить администратора показать им записи с камер наблюдения.

И снова неудача... В означенное время дешёвенькая камера зафиксировала, как к терминалу, расположенному у самого входа, подошёл крепкий мужчина в тёмных брюках, толстовке с накинутым на голову капюшоном, и в медицинской маске. Повозившись у «пополняшки» минуты три, он покинул помещение.

Уличная камера тоже толком не помогла. Так как дело происходило около половины одиннадцатого ночи, она лишь показала быстро удаляющийся в неизвестность силуэт. И на этом всё.

Инспекторам хотелось выть от досады. Плюнув на всё, отправились к Серёге домой, успокоиться и посоветоваться.

Поздним вечером, традиционно сидя на кухне, подводили итоги. Оба инспектора были откровенно злы на самих себя.

– Дела наши – швах! – задумчиво размешивая в кружке чай, начал Антон. – Куда не ткнишь – пусто. И кто бы мог подумать – такие сложности из-за простых прыщей! Идеи есть?

Сергей ответил не сразу.

– Толком нет. Дальше, по уму, надо всех на прослушку ставить и «ноги» к каждому представлять. Ну и связи обрабатывать. Только как? Постоянно Печатью размахивать – соответствующие органы разозлим, потом отмазываться устанешь. Они таких самозванцев ох как любят. Стандартных даже для полиции оперативно-технических возможностей, кроме самих себя, мы не имеем. Тут хитрее надо... или отказываться, делая вид, что всё хорошо и нас не касается.

– Похоже, придётся, – печально заметил Швец. – Своей мёртвой печёнкой чувствую – муторное это дело, не отцепимся – попьёт оно у нас кровушки. Но обидно то как! – он от избытка чувств ударил ладонью по столу, заставив вздрогнуть мирно спящую на подоконнике Мурку. – Как щеглов зелёных уделали!

Маша, по-свойски введённая в курс дела и до сей поры помалкивавшая, неожиданно подняла руку, словно отличница – первоклассница.

– Мальчики, а можно я скажу?

Ответом ей стали два задумчиво-печальных взгляда инспекторов.

– Вы бы с Фролом Карповичем посоветовались. Он умный, опытный. Может, и подскажет чего.

Антон рассмеялся.

– Машуля, и что мы ему скажем? Застряли в расследовании женских прыщей? Ты сама понимаешь, как это звучит? Да и чем он поможет? Разве что взбучку за нерадивость и глупость устроит. У него это быстро...

Его прервал Иванов с крайне задумчивым лицом.

– погоди, она дело говорит. Может нам шеф помочь, если захочет.

– Как?

– Помнишь, когда мы за Бездушной гонялись, он упоминал, что есть возможность запрос в Ад отправить, чтобы душу покойной Яги опросили. Она же раньше с этим плясуном дела имела – может, знает чего. Должна знать! Давай попробуем! Ну не побьёт же он нас, в конце концов, если идея ему не понравится! А рассказать о случившемся стоит. Слишком сложно всё для такой мелочи, как испорченная мазюка для рожи. Если хочешь – я говорить стану.

Теперь задумался Швец. Думал долго, обстоятельно, взвешивая все «за» и «против». Ему не слишком хотелось лишний раз светиться перед начальством, но и отступить было стыдно. Наконец он решил.

– Давай. И докладывать вместе станем. Ты в одежде сегодня спать ложись, не дело перед начальством в труселях красоваться. А я за встречу договарюсь. Глядишь, и срастётся.

Так и поступили.

...Фрол Карпович хохотал. Зычно, искренне, захлёбываясь от восторга. Его борода тряслась, напоминая собой тот самый пресловутый электровеник, а из глаз катились слёзы веселья. Ладони хлопали по рабочему столу, выбивая непонятный, но задорный ритм.

– С прыщами, ох-хох-хо, боретесь, говоришь? У баб рожи – ой, не могу, хох-хо-о... пере-кривило? А вы, значит, лиходея ловите, дабы неповадно было? Хо-хо...

Боярин забавлялся долго. Затем, отсмеявшись, неожиданно резко сказал:

– Правильно сделали, что пришли. Слишком хитро удумано для мелкой пакости, слишком хитро... Да и зубы показать следует. Садитесь, – кивок головой в сторону лавки у стены, – и рассказывайте снова, ничего не упуская.

Инспекторы послушно, снова, в подробностях, пересказали абсолютно все события с того злополучного вечера. Начальник не перебивал, лишь изредка неодобрительно хмурил брови или напротив, удовлетворённо похмыкивал. Когда парни закончили своё повествование, Фрол Карпович, немного подумав, произнёс:

– Одобряю. Верно сделали, что ввязались, а не на поводу у баб пошли. Ещё чего не хватало – злодейства неуважительные прятать! Вижу – старались, а не бока отлёживали. Потому поступим так... Снаружи подождите! – привычно командным голосом бросил он. – Не уходить! После позову.

Ждали парни под дверью около часа. Наконец раздалось:

– Швец! Иванов! Зайдите!

В кабинете им улыбался донельзя довольный начальник.

– Идите! – непонятно заявил он, вальяжно махнув рукой.

Приятеля переглянулись. И в этот момент, прямо посреди кабинета, материализовалась дверь. Обычная, офисная, без каких-либо опознавательных знаков в виде цифр или табличек. Антон с Сергеем перевели удивлённые взгляды на начальство, ожидая разъяснений. Никто и не подумал сдвинуться с места. Боярин оценил настороженность сотрудников, улыбнувшись краешком рта.

– Сейчас пройдёте в особое помещение, к вам выйдут. Попросите помощи – допросить покойную Ягу. Если потребуют что-то взамен – смотрите по ситуации. Не задерживаю, – дал понять Фрол Карпович, что разговор окончен и сделал вид, будто уткнулся в бумаги, в избытке разложенные на рабочем столе. Даже перо взял из чернильницы.

Прятели не сдвинулись. Оба понимали, что начальство сейчас им помогает, однако ходить в неизвестные двери, да ещё без подробного инструктажа, в Чистилище может оказаться опасным. Кто знает, сколько здесь секретов спрятано от любопытных?

А ещё не покидало ощущение, что вся эта недосказанность – обычная проверка на «вши-вость». Простенькая, рассчитанная на бездумное подчинение. Как у ведьм. Именно так и оказалось.

Хитро блеснув глазами из-под кустистых бровей, боярин отложил писчие принадлежности и довольно буркнул:

– Хоть чему-то научились, не без умишка... Ладно, слушайте! Эта дверь – для служебного пользования. Ведёт в небольшую комнатку, откуда другая похожая дверь ведёт в Ад. Там, на нейтральной территории, и встретитесь с таким же, как вы, оболтусом. С ним и договаривайтесь, коль сумеете. Вернётесь так же, как и войдёте. Вопросы?

– Есть! – сразу ответил Антон. – Я так понимаю, беседа не слишком официальная. Почему?

– Ох... Да потому что ежели по правильному запрос делать – никто не знает, когда ответа ждать. Про Бездушную помните?

Ответом ему стали два синхронных кивка.

– Так вот, – продолжил начальник. – По ней только два дня тому грамоту прислали. Тоже месяц ждать хотите?

– Нет.

– Вот и налаживайте связи с такими, как и сами, благо возможность пока есть вас познакомить. А не сопли с бумажками жуйте! Да кабы не Александрос со своими правилами, давно бы ответ за тут бабёнку получили! – горько усмехнувшись, закончил Фрол Карпович. – Всё, идите! Потом расскажете, как и чего. Да! – спохватился он, что-то наскоро набросав на листочке. – Возьмите. Тут все сведения о покойнице. Когда померла, фамилия с отчеством, адрес. Передадите, кому следует. Теперь точно всё.

Поняв, что разговор окончен и очередная проверка на профпригодность пройдена, Швец взял записку, решительно распахнул дверь и шагнул в открывшийся проём. Иванов поспешил за ним.

Обстановка, открывшаяся взору инспекторов, оказалась простецкой, без изысков. Крашенные белым стены с потолком, каменный пол, из мебели – круглый стол, несколько стульев, окон традиционно для этих мест нет.

Свет давала обычная люстра, с хрустальными висюльками, которые сразу же захотелось потрогать пальцами и сделать по ним ногтем «Бздыньь...». Инспекторы еле сдержались от такого явного мальчишества.

В противоположной от входа стене расположилась точно такая же дверь, как и та, через которую только что прошли приятели.

Пройдя к столу, Швец бесцеремонно уселся на него, извлёк сигареты, поискал глазами пепельницу. Не найдя, покопался в собственным карманах, добыл оттуда какую-то бумажку, скрутил кулёчек и закурил, пуская кольца в потолок.

– Ты же мне говорил, что здесь курить нельзя? – с ехидцей в голосе поинтересовался причинами такого самоуправства Серёга.

– Нельзя, – подтвердил Антон, выпуская очередное колечко. – Только именно здесь можно. Мы между Адом и Чистилищем, нейтральная зона, так сказать. Соответственно, я почти ничего не нарушаю.

– Верно! – подтвердил слова инспектора неизвестный, довольно грубый голос, раздавшийся сбоку. Парни как по команде повернулись в сторону говорившего.

Третьим в комнате оказался вошедший из принадлежащей Аду двери мужчина лет тридцати на вид, одетый в пёструю гавайскую рубаху, легкомысленные шорты и пляжные тапочки.

Ни рогов, ни хвоста он не имел, да и серой не подванивал. Русые волосы, курносый нос с мелкими веснушками, чуть больше, чем обычно, оттопыренные уши да васильковые глаза. Фигура незнакомца оказалась тоже без признаков сверхъестественного – сухощавый, ростом с Антона. Руки-ноги типовые, симметричные, ни больше и не меньше. Туловище обычное. Иванов на всякий случай даже пальцы у вошедшего пересчитал – двадцать.

Одним словом, к инспекторам присоединился совершенно обычный молодой человек, которого проще простого встретить летом в любом курортном городе.

– Марек, – весело представился неизвестный, протянув руку.

– Серёга. Антон, – по очереди представились парни, скрепив знакомство рукопожатием.

Гость по-хозяйски взял один из стульев, развернул его сиденьем к себе и уселся, положив руки на спинку.

– Меня начальство к вам направило. Сказали – дело есть. Говорите, – сразу взял он быка за рога.

Сергей подивился такой прыти, однако спросил другое.

– А ты вообще кто?

На такую бесцеремонность Марек совершенно не обиделся. Напротив, открыто улыбнулся, продемонстрировав великолепно белые зубы без каких-либо демонических клыков.

– Узнаю коллег. Никто никогда ничему не верит. Сам такой, – а затем очень буднично произнёс. – Я – инспектор отдела по предотвращению прорывов в ваш мир. Проще говоря, мешаем нашим дуракам к вам перебираться на ПМЖ.

– Что-то не очень получается, – бросил Антон. – Куда не плюнь – или демон, или бес.

– Верю, – охотно согласился представитель адских силовых структур. – Только и вы сердце не слишком на этом поприще рвёте. Я сводки успел посмотреть – за последний месяц от вас вообще никого не было. Разве что Бездушная. Но тут я снимаю шляпу, – Марек изобразил шуточный полупоклон, не вставая, впрочем, со своего стула. – Красиво вы её. Наслышан.

Обе стороны почувствовали, что словесные пикировки сейчас ни к чему и потому непри-
нуждённо сменили тему.

– Нас тоже руководство направило. Налаживать неформальные взаимоотношения. Чтобы, в случае нужды...

– Да понятно, – перебил гость из Ада. – Мне тоже самое прогундели. Опрошу я вашу Ягу, можете даже данные не давать. Она сейчас на слуху из-за сеструхи, так что знаю, где и кого искать. К завтрашнему дню, думаю, успею. Вкратце в курс дела меня уже ввели – узнать всё про стриптизёра и способ связи с ним. Особые пожелания есть? Ну, из тех, о которых начальству не докладывают?

Инспекторы призадумались.

– Да нет, ничего такого... – выразил общее мнение Иванов. – Только про плясуна этого узнать, не больше. Взамен что?

Марек улыбнулся ещё шире. Такая понятливость коллег нравилась ему всё больше и больше. Вместо ответа он полез в карман и извлёк оттуда два белых шарика, больше всего походивших на шарики для пинг-понга.

– Вот, – протянул он их в сторону Серёги. – Магические блокираторы. Надо их в определённых местах чпокнуть. Адреса я дам.

– Зачем?

– Заблокировать наиболее вероятные точки возможных прорывов с вашей стороны. Инфа прошла – две группы отморозков собрались на Землю ноги делать, вот и страхуюсь помаленьку. Работает просто – ногой раздави, а дальше охранные заклинания сами всё сделают. Автоматически, так сказать. Если сомневаетесь – шефу покажите, он одобрит.

Антон, немного отодвинув приятеля, с опаской взял предложенные шарики, просветил их Печатью и, не обнаружив ничего опасного, спрятал в карман.

– Договорились, сделаем. Адреса давай.

Из рук в руки перекочевала небольшая, свёрнутая в несколько раз бумажка.

– Только там это, – немного замялся Марек. – Может лёгкая путаница выйти. Карты у меня не самой первой свежести, мог и напутать чего. Но не сильно, – поправился он. – Вы почувствуете, как на месте окажетесь. Если не найдёте – начальству обратно блокираторы отдайте, пожалуйста. Подоотчётная вещь.

– Почувствуем что? – на всякий случай уточнил Иванов.

– Неприятно станет, гадко, – не стал скрывать гость из Ада. – Там в одной точке холерный барак был, а в другом людей много постреляли в девятнадцатом веке, по-вашему. Мы такие события особо примечаем, как повышенные зоны риска.

– Лады. По месту определимся, – согласился Швец, а потом настырно переспросил. – Так всё-таки, ты кто? Демон?

Ответом ему стал задорный, громкий смех.

– Нет, какой из меня демон! – веселился Марек. – Я – полукровка! Папашка – тот да, а я – переводняк. У меня мама – обычная женщина. Родитель в командировке в вашем мире был, по ходу меня заделал, от скуки. Потом домой свалил, а я остался. Как подросток – через наше село наполеоновские уланы шли, перепились и того... и меня, и маму, и односельчан. Всех, в общем. А здесь уже папка подсуетился, не забыл. Следил, оказывается, за нашими судьбами. В общем, пристроил родитель меня на службу, да и про любовницу свою не забыл. Вот как-то так, если вкратце.

– А кто у нас папа? – неизвестно зачем поинтересовался Серёга, самому себе напомнив персонаж из одного старого фильма.

– Папа? – переспросил коллега. – Папа у нас начальник департамента по контролю над магией. Фигура! Потому и воспользовался влиянием. К себе брать не стал, пересудов испугался, но с местом помог – не отнять. Дальше уж я сам. Карьерничаю помаленьку.

– Понятно... – протянул Антон. – Ладно, давай закругляться, дел полно.

– Да шучу я! – совсем уж развеселился парень. Демон я, демон. Во тьме родившийся и в Аду возвращённый. Чистопородный. И выгляжу именно так, как сейчас видите. Хотя если хотите на рога или хвост полюбоваться – могу превратиться. В чёрта. Легко.

Сергей посмотрел на него как на дурака.

– Не нужно, верим. Ну и зачем байку про маму-человека травил?

Тот стушевался.

– Да повеселиться захотелось. Видели бы вы свои рожи...

– Посмеялся? Молодец. Рады за тебя, – вмешался не оценивший розыгрыш Швец. – Будь здоров и не кашляй.

Инспектор подошёл к Мареку и протянул руку. Тот ответил. Когда их ладони сжались, неожиданно между ними мелькнула лёгкая вспышка.

– Это чтобы вы меня вызывать могли, или я вас – торопливо пояснил представитель Ада. – А так – завтра в семь встречаемся. И извините за шутку. Глупо получилось. Хотя про папашу – чистая правда. У меня на Земле родня точно есть, погулял он там знатно.

Ту же манипуляцию демон проделал и с Сергеем. Ощувив лёгкий укол, он на прощанье кивнул и пошёл к своей двери. Следом направился Швец.

– Да! – обернулся Швец к уже входящему в свой полуоткрытый дверной проём Мареку. – Ты почему так легко одет? Не май месяц...

Тот пожал плечами.

– Так это у вас зима и лето есть, а у нас всегда жарко.

На том и расстались.

Вышли инспекторы, к огромному удивлению Сергея, в знакомом коридоре, неподалёку от очереди ожидающих своей участи душ.

– Как мы обратно попадём? – обеспокоенно уточнил Иванов. – Опять к Карповичу идти?
– Нет, – успокоил его приятель. – Теперь уже не нужно. Он нам проход показал – дальше сами. Работает это так: представь ту комнату как можно точнее, и дверь откроется. Особенности местные, короче, не ломай голову. Дают попользоваться – и ладно, а механизм действия – не нашего ума дело.

– Пусть так. Пошли к шефу.

– Зачем? – удивился Антон.

– Шарики ему покажем. Может, нам аналог ядерной бомбы подсунули, и будем как шахиды вслепую... Странный этот Марек, как по мне. Непонятный.

– Это верно. Ты прав, пошли, – и инспектор сотворил нужную дверь.

...Боярин долго крутил в руках непонятные мячики, а после вернул со словами:

– Блокираторы. Не врёт. Ох, и ловок, стервец!.. Ох, ловок...

– Вы о чём? – заинтересованно уточнил Сергей.

Фрол Карпович привычно огладил бороду, с усмешкой посмотрел на подчинённых и, наконец, снизошёл до объяснений.

– Как там его... Марек этот – умница. Он вашими ручками себе заслуги создаёт, «палки», по-вашему. Заблокировав точку прорыва с нашей стороны, засады у себя в Аду устроит и возьмёт прямо на «горячем» голубчиков, что сюда рвутся. И не сбегут они, потому как некуда. Блокираторы не дадут. Ай, молодца... В общем – действуйте, не подведите парня. Не зря же я о знакомстве договаривался.

Антон заявился лишь к полудню, потому Сергею удалось хорошо выспаться. Дежурно попив чаю, перешли к рабочим моментам. По бумажке, полученной от Марека, долго сверяли записанные им ориентиры с Гугл-картой. Оказалось, что одна точка возможного прорыва находится за городом, в полях – придётся ехать.

Со второй, напротив, проблем не возникло. Обычный пустырь на окраине, причём хорошо известный обоим инспекторам – довелось им там пару раз мелких бесов, вселившихся в бомжей, развоплощать.

– Одевайся, а я пока сгоняю и первый шарик лопну, – предложил Швец для экономии времени. – Место насквозь знакомое.

– Давай, – согласился приятель.

И Антон тотчас исчез.

Отсутствовал призрак минут пять, не больше. По возвращении он бодро потёр руки и заявил:

– Готово! Будем второй давить – не забудь Печать активировать. Красивое зрелище. Есть на что посмотреть.

...Инспекторы шли по накатанной грунтовке, удаляясь от трассы. Уборочная уже закончилась, потому рёв двигателей сельхозтехники не отвлекал от наслаждения пением птиц и масштабами уходящих в горизонт пустых полей. Приятно вот так прогуляться – ты, друг и природа. И никого больше. Пьянящий после городского смога воздух радовал своей сладостью, хотелось дышать им вечно. Даже про вредную привычку табакокурения оба ни разу не вспомнили.

Сергей извлёк смартфон – сеть, на удивление, присутствовала. Согласно навигатора, до места назначения, обозначенного зеленоватым пятном, идти оставалось километра четыре.

– Как думаешь, много у нас вот таких мест с... прошлым? – поинтересовался Швец просто так, чтобы не молчать.

– Без понятия, – честно ответил приятель. – Я тоже об этом думаю. Вариантов полно, а чёткого ответа нет. Но, думаю, много. Даже очень много. Во всяком случае, на наш век точно хватит.

– Ага, у меня примерно такие же мысли... Странно получается. Вот ты такой множество раз ходишь или едешь мимо какого-нибудь поля или дома, и внимания на него не обращаешь. Есть и есть, и шут с ним. А там до твоего рождения такие дела творились – Голливуд отдыхает! И ты об этом не знаешь, и я не знаю, а все, кто знал – померли давно. А место – есть, и будет после нас. Не по себе от этого как-то становится...

Антон с сомнением посмотрел на невразумительно расфилософствовавшегося товарища, однако ничего отвечать не стал. Пусть выскажется, коль зацепило – не жалко.

Через час с хвостиком добрались до точки назначения. Ей оказался довольно длинный, узкий и относительно глубокий распадок, сплошь поросший высокой, до колен, травой. С первого взгляда Иванову тут не понравилось. Почему – он и сам не понимал. Складывалось впечатление, что он сейчас подходит к чему-то липкому, мерзкому и вот-вот в этом измажется.

– Ты что-нибудь чувствуешь? – на всякий случай спросил он у призрака.

Антон остановился, задумался.

– Да, наконец утвердительно ответил он. – Эманации, но совсем мелкие.

– И всё? – не поверил Сергей. Его ощущения разительно отличались от описанных Швецом.

– И всё, – подтвердил инспектор. – Серый, что случилось?

Теперь настала очередь Иванова замолчать, прислушиваясь к себе. Нет, гнусные ощущения только усилились. Хотелось убежать отсюда как можно дальше.

– Я и сам не понимаю. Плохо здесь. Неуютно. Никогда со мной такого раньше не было. И самое странное – ни Печать, ни зрение ничего не показывают. Обычный овражек. Но вот внутренняя чуйка против – и всё! Не могу объяснить... Давай пока вниз не спускаться, вдоль пройдемся. Осмотримся, то да сё...

Антон с сомнением покачал головой, однако спорить не стал, а пошёл по краю, с интересом поглядывая вниз.

– Чувствительность у тебя сильная, дружище, – начал успокаивать он Иванова. – Помнишь, Марек говорил – почувствуем, когда найдём. Вот и нашли, нда... кто же знал, что тебя так колбасить станет? Я, к примеру, если бы специально не всматривался – прошёл бы мимо и не почесался. Аллергия у тебя на это дело, что ли? Надо будет с Карповичем посоветоваться.

– Только попробуй! – взвился Серёга. – Ты о последствиях подумал? Пока ничего не случилось, а ты уже раззвонить вдоль и поперёк собрался... Ой! А что это?

В траве лежал велосипед. Спортивный, с алюминиевой рамой, с внушительным фонарём на руле. Безумно дорогой даже на первый взгляд.

– А где хозяин? – неизвестно у кого поинтересовался Антон, оглядывая окрестности.

– Без понятия, – пробубнил приятель, с интересом осматривая найденное транспортное средство. – Недавно лежит, – вынес вердикт он. – День или два, не больше. Блестящие части не потускнели, пылью не покрыт, однако разводы от утренней росы есть. Ни сумок, ни бутылки с водой... Не нравится мне это. Пойдём ещё прогуляемся, может, владельца увидим. Такие велики так просто не бросают.

Прошли ещё метров триста – никого. Дальше овраг делал довольно крутой изгиб, а его края становились отвесными и, к тому же, словно из вредности заросли плотным, колючим кустарником. Просто так не спустишься. Пришлось вернуться обратно.

Повздыхав, полезли вниз. На дне оказалось лучше, чем ожидалось поначалу. Трава невысокая, мягкая, прямо сама стелется под шагами. И ни колючек, ни кустов, как на склонах – такой вот странный выверт природы.

Неспешно пошли вдоль маленького, в шаг шириной, ручейка, бегущего инспекторам на встречу. Из любопытства Антон даже зачерпнул в горсть воды и осторожно попробовал.

– Не поверишь, питьевая, – растерянно констатировал он. – Никогда не видел такие источники, только в книжках читал. Помнишь, авторы часто писали в приключенческих романах: «Герой спешил у спрятанного от солнца в тени деревьев ручейка, напился вкусной, мягкой воды и стал поить коня».

Сергей попробовал тоже. Приятель не врал – действительно вкусно.

– Я тоже никогда не видел. А что ты хотел? Города, водопровод с обеззараженной питьевой жидкостью, постоянные рассказы о дерьмовой экологии. Потому и не пили из ручьёв, и не пьём, и, скорее всего, в ближайшем будущем такое вот чудо не встретим. Экзотика для нас эта водичка, одно слово... Так что лови момент!

Неприятное ощущение никуда не делось, только усилилось. Похоже, они на верном пути. Сейчас хлопнут шарик с блокиратором – и ходу отсюда. Как можно быстрее и дальше.

Дошли до изгиба, вслушались – и не зря. Оттуда доносились приглушённые травой, шаркающие шаги. Осторожно выглянули. Метрах в двадцати, молча и сосредоточенно, с побрякиванием, задницами кверху, возились четверо мужичков явно наркоманского вида. А ещё каждый из них имел ауру.

– Бесы! – ахнул Антон, правда, шёпотом.

– Они самые, – подтвердил Иванов, доставая из кармана свой увесистый крест. – Рисуют что-то или чертят... Не вижу отсюда. Тоха! Смтайся невидимкой, глянь, что там и как.

Приятель скептически хмыкнул.

– Гений... Они же меня сразу учуют, талант такой имеют. Нет, давай по старинке, нахрапом и в атаку. И быстро, чтобы не разбежались! Готов?

– Ага.

– Тогда на раз, два, три. Три! – выплюнул, не повышая голоса, Швец и со всех ног понёсся к четвёрке нечисти.

Иванов не отставая, рванул за ним, активируя на ходу Печать и зажав цепочку креста в левой руке на манер кистеня.

Их заметили почти сразу. Один из одержимых, худой мужичонка лет сорока в поношенном спортивном костюме, разогнулся, внимательно взглянул на незваных гостей, а затем открыл рот, полный железных фикс, и, против ожидания, зашипел.

У Антона сразу свело лицо в гримасе человека, слопавшего на спор целую ложку лимонной кислоты. Он даже затрусил головой, словно отгоняя мошкору. «Их крик» – вспомнил Серёга первый день знакомства с инспектором. Тогда отрезанная голова тоже шипела, а приятеля корчило не по-детски. Но сейчас уже не падает в судорогах, держится. Даже темп почти не сбавил.

На зов поднялись и остальные, прекратив свою возню с перекопанной землёй. Нехорошо оскалившись, двое из них похватили ранее не замеченные в траве лопаты и взяли их на перевес, готовясь встретить инспекторов. Оставшаяся парочка извлекла из карманов ножи, опытно выставив их перед собой. Убегать никто не собирался.

Швец пропал – нырнул в невидимость, надеясь подобраться поближе, однако бесы не растерялись и довольно организованно бросились на Сергея.

Ему стало страшно. Четверо вооружённых одержимых, даже с измученными всякой гадостью телами – это серьёзно. Недолго думая, Иванов побежал обратно, надеясь растянуть преследователей и дать шанс приятелю подобраться к ним со спины.

Раздался крик. На бегу инспектор обернулся и увидел оседающего на землю самого дальнего наркомана. Рядом стоял Антон с поднятой рукой, на которой, словно сердце у горьковского Данко, горела Печать.

«Минус один! – подумал Серёга, ни на секунду не сбавляя темпа. Осталось трое. Глядишь, и без особых потерь выкрутимся».

Но он ошибся. Бесы быстренько сделали нужные выводы, неожиданно прекратили погоню и побежали обратно. Причём «крикун» на полном ходу стал разбрасывать из карманов что-то чёрное, издав издав похуже на угольную пыль, а двое оставшихся заняли места по бокам, охраняя его.

Рядом с «сеятелем», как тотчас окрестил его про себя Иванов, возник Швец и попытался упокоить адского вонючку. Но тот оказался ловок: лихо поднырнул под горящую служебной меткой руку инспектора и попытался ткнуть его ножом, сходу пропоров полу пиджака. Удалось ли ему достать до Антонова тела – разглядеть не получилось.

Роли поменялись. Теперь уже Серёга гнался за бесами с не меньшим усердием, чем убегал. Из его глотки вырвался грозный вопль, раскручиваемый на ходу крест с гулом рассекал воздух. Одержимые обернулись.

Антон снова возник, теперь уже возле правого, однако сходу получил лопатой по ногам и исчез.

Подбежав, инспектор ловко заехал ближайшему, с лопатой наперевес, крестом по голове и кувыркнулся в сторону. Прямо в ручеёк. Попытался вскочить – поскользнулся, упал, с ног до головы перемазавшись в грязи. Плюнув на всё, не вставая толком, по рыби выбросил тело на другой берег. Поднялся на четвереньки, пару раз вздохнул, приводя дыхание в порядок, и бросился обратно.

Стукнутый реликвией корчился на земле, обеими руками зажав голову. Именно туда угодил Серёгин крест. Двое оставшихся на ногах совершенно не обращали на страдальца внимания, продолжая разбрасывать пыль.

– Н-на, сука! – полностью отдавшись охватившему его боевому азарту, проорал Иванов и на бегу приложил Печать к голове лежащего.

Снова, заметно хромя, проявился Швец и сходу попытался звездануть Печать охраняющего «сеятеля» беса, и снова неудачно. Тот лихо увернулся, замахиваясь в ответ грозным садовым инвентарём. Но Швец второй раз на такой финт не попался – исчез раньше, чем лопата просвистела в том месте, где он только что стоял.

Иванов уже почти добежал до одержимого, с которым пытался разобраться приятель, и сходу, не думая о последствиях, щучкой нырнул ему под колени, сбивая беса с ног.

– Давай!!! – проорал изо всех сил парень, подминая под себя наркоманскую тушку и схватив извивающегося, словно гадюка, противника за запястья.

Швец не заставил себя ждать. Мигом проявившись из воздуха, он приложил к голове противника Печать, а затем левой рукой, наотмашь, врезал потерявшему сознание асоциальному элементу хороший прямой в челюсть, прорывав при этом:

– Вот тебе, урод!

Оставался последний. Он уже прекратил разбрасывать непонятное что-то и теперь споро волок в сторону ручейка связанное тело, некультурно схватив его за ноги.

Тело извивалось, брыкалось, однако бес совершенно не обращал на это никакого внимания и продолжал упрямо делать своё дело.

Иванов бросился к нему. Одержимый, заметив рывок инспектора, изо всех сил ускорился. Когда парню оставалось метров восемь, он бросил ноги своей ноши, достал убранный ранее нож и замахнулся, одновременно становясь на колени.

–А-а-а-а!!! – инспектор позабыл обо всём. О Печати, о кресте, о приятеле. Пространство сузилось до размеров наркоманского лезвия, готового с мгновения на мгновение опуститься на неизвестную жертву. Не дать, не допустить, успеть...

Серёга смог. Когда нож начал плавный, как ему казалось, путь к груди лежащего, он уже был рядом и всей своей массой оттолкнул беса в сторону. Оба покатались по земле, яростно сопя и мешая друг другу нанести тот самый, последний удар.

Иванов схватил руку с ножом и изо всех сил, пыхтя от натуги, старался как можно дальше отдалить лезвие от себя. Одержимый, напротив, сопротивлялся с яростью обречённого, надеясь если не ткнуть, то хоть полоснуть лезвием по инспектору. Другой рукой бес бил парня в голову. Умело, словно гвозди заколачивал.

Наконец подоспел Швец. Вспыхнула Печать, «сеятель» обмяк безвольной тушкой.

– Всё! Слышишь? Всё! – призрак трусил обалдевшего, с залитым кровью лицом, приятеля, так и продолжающего сдавливать кисть противника. Нож давно выпал в траву, однако Иванов этого попросту не замечал. – Мы их развоплотили! Они в Аду!

Наконец ему удалось оторвать парня от лежащего без сознания бывшего бесоносителя и оттащить в сторону, усадив на какой-то кочке. Серёга немного успокоился и теперь попросту отрешённо смотрел в сторону, ничего не соображая. Одно лишь он в этот момент знал точно – голова сейчас лопнет от боли. Ну и пусть, зато легче станет!

До Антона, наконец, дошло, что друг немного неадекватен, и он приложил свою Печать к его голове, а затем взял вялую, безвольную руку Иванова с до сих пор горящей меткой, и тоже прижал к пострадавшему органу.

Через минуту стало полегче. Избитый кое-как смог сконцентрировать внимание на происходящем.

– Сейчас, сейчас... – пробормотал Иванов, уже осознанно держа Печать у головы. – Уже полегче...

Действительно, активированная метка словно вытесняла боль своим теплом, мягким и успокаивающим.

– Прямо как эликсир в компьютерной игрушке, – блаженно шурясь, через пару-тройку минут констатировал полностью пришедший в себя парень. – На глазах действует. Только вот рожа болит.

Швец присел рядом, бесцеремонно взял товарища за подбородок и внимательно осмотрел повреждения.

– Губа разбита, нос тоже, но набок не смотрит, хотя я не спец... Ухо распухло, причём сильно. Под глазами фонари будут, под обоими. Эффект очков обеспечен. Ничего страшного, – закончил он. – Но надо в больничку. Рентген на всякий случай сделать.

Сбоку кто-то замычал. Инспекторы непонимающе переглянулись. И только спустя целую секунду до них дошло: связанное тело! С трудом поднявшись, Иванов заковылял к лежащему, а Антон снова стал призрачным, но без исчезновения.

– Так нога не болит, – пояснил он. – Здорово тот бес меня лопатой приложил.

Тело оказалось женским. Мало того, ещё и знакомым. В лёгких кроссовках, аппетитно обтягивающих стройные ноги лосинах, спортивной курточке, с заткнутым кляпом ртом, спутанной причёской и горящими от бешенства глазами.

– Элла! – ахнул инспектор, неумело пытаясь развязать путы с до сих пор зажатой цепочкой креста в руке. И как не выронил во время драки? – Ты здесь откуда?

В руку ему ткнулся нож, подобранный с земли Антоном.

– Режь, иначе до ночи не управимся. Вон, сколько узлов понакрутили, уроды...

Несколько взмахов, и вот ведьма уже сидит, потирая затёкшие конечности и отплёвываясь.

– Ты как здесь оказалась? – вытирая платком кровь, повторно поинтересовался Сергей.

– Травы собирала, – не прекращая массировать запястья, прохрипела девушка. – Дайте попить. Горло пересохло...

– Там ручей, – указал пальцем в сторону Швеца. – С собой нет ничего.

На четвереньках Элла подползла к воде и попробовала черпать ладошкой, а после плюнула и приникла лицом к живительной влаге. Утолив жажду, она с трудом поднялась, не забыв наскоро пригладить растрепавшиеся, с застрявшими в них травинками, волосы.

– Так всё-таки, – не унимался Иванов. – Что здесь случилось?

Ведьма хмыкнула, с жалостью посмотрела на разбитое лицо своего недавнего любовника, подошла и села рядом.

– Я травы собирать сюда приехала сегодня, рано утром. На велике. Место тут хоть и нехорошее, однако некоторые сорта на загляденье прямо. А потом эти четверо как снег на голову свалились, примерно в обед. Связали, под куст кинули... Ну хоть не отымели всем стадом, уже спасибо. Потом они копать начали, затем разравнивать, а потом уж и вы прибежали. Не ожидала, если честно...

– Что копать, – не поняли инспекторы.

У Эллы удивлённо поднялись брови.

– Вы что, слепые?

Сергей встал, осмотрелся и тут только заметил то, что совершенно упустил в горячке боя. Дно оврага покрывал здоровенный узор, сделанный при помощи лопат. Сложный, со всякими завитушками и почти идеальным кругом в центре, в котором он сейчас стоял. Линии были местами потоптаны в ходе драки, но в основной своей массе распланированы заботливыми руками одержимых.

Подошёл Антон, тихо присвистнул.

– Вот, значит, как чертёж для прорыва выглядит... Не знал... вовремя мы. Эти бесы окно для своих из Ада делали. Помнишь, Марек говорил...

На землю упал шарик, Швец с силой раздавил его каблуком и зажёг Печать.

– Смотри!

Прямо от его ноги разбегались непонятные огненные руны, причудливо извиваясь своими узорными ветвями, словно живые. Переплетались, образуя явно силовые узлы, и мчались дальше, почти до стенок оврага. Там они словно замирали, окончив свой путь, а потом гасли, ярко полыхнув на прощанье.

– Красиво, – тихо прошептала зачарованная зрелищем ведьма. – Мне так никогда не суметь...

– Да, а что они хотели с тобой сделать? О чём между собой говорили? Почему не колдонула? Могла ведь их какой-нибудь вашей пакостью припечатать?! – продолжал нудеть дотошный инспектор.

Девушка зябко повела плечами. Было видно – ей неприятно вспоминать.

– Молчали они, только шипели иногда да копали не переставая, как сумасшедшие. Потом разравнивали... А магией отбиться – куда мне, я травница, максимум зелье сварить смогу...

– Я так, понимаю, вы знакомы несколько ближе, чем предполагала обстановка на Ведьмином Круге? – влез Швец, тоже узнавший Эллу.

И Сергей, и ведьма смущённо кивнули.

– Тогда отстань от неё. Я тебе расскажу, – не унимался Антон. – В жертву твою знакомую хотели принести, для активации этого чертёжика. Во всяком случае, именно о такой процедуре мне доводилось слышать. Так что второй день рождения у девочки сегодня.

– А если бы её здесь не оказалось?

– Да пофиг. Тушку наркоманскую граждане бесы для дела бы приспособили. Им не привыкать...

Пока инспекторы болтали, Элла с интересом осматривала выкопанный рисунок.

– Какое интересное решение, – любознательно пробормотала она сама себе. – Ни мела колдовского, ни красок магических... Попросту – на основе природной Силы земли и праха мертвеца. Одними лопатами... Никогда бы не подумала.

Раздался стон одного из наркоманов, валяющихся в траве.

– Уходить надо, – заявил Антон. – Скоро эти... очухаются. Могут и барагозить начать.

Ведьма после этих слов споро подобрала небольшой рюкзачок в кустах, закинула его за спину и резво выбралась из злополучного оврага. Парни последовали за ней.

Уже у самого велосипеда Элла вдруг нежно обняла Серёгу, и, совершенно не стесняясь Швеца, нежно поцеловала его в разбитые губы.

– Спасибо, – прошептала она, ласково глядя парню в глаза. – И позвони мне, пожалуйста. Я буду ждать...

Иванов не успел ничего ответить. Девушка, с явной неохотой отстранившись от него, подхватила своё транспортное средство, ловко запрыгнула в седло и уже на ходу крикнула:

– Пока! Спасибо, ребята! С меня – поляна, как минимум! Не обижайтесь, я просто в город очень опаздываю, на работу, потом поговорим... – и велосипед, ускоряясь, понёсся в сторону трассы.

– Красивая, – любуясь обтянутыми выпуклостями девичьего организма на узеньком сиденье, протянул Антон. – Люблю таких. Не просто смазливых, а именно с огоньком в глазах. Броских. Чтобы ты от неё отвернулся, а она перед глазами как живая...

Вместо ответа Сергей только вздохнул, осмотрел себя с головы до ног и полез обратно в овраг – умываться.

...Антон из солидарности отказался перемещаться в город своими силами и топал по пыльному просёлку рядом с товарищем, надеясь таким образом его поддержать в тяготах и лишениях службы, при этом весело посматривая по сторонам.

Иванов напротив, шёл сосредоточенно и явно о чём-то размышлял. Наконец он не выдержал.

– Фигня получается, Тоха, – начал задумчиво Сергей. – Сплошные рояли в кустах. Не верю я, что за один раз столько совпадений бывает.

– Ты о чём? – беспечно уточнил приятель.

– Смотри! Во-первых – Элла. Вот как получилось, что она именно сегодня оказалась именно в том овраге? Почему не вчера или завтра? Пахнет это, – инспектор сделал неопределённый жест рукой, – стрёмно.

Швец улыбнулся. Брюзжание товарища не смогло испортить ему настроения.

– Меня лично это не удивляет. Я, когда в армии в первое своё увольнение в посёлок вышел – натолкнулся на пацанов с соседнего двора. Они там в стройотряде какой-то коровник строили. А служил я в медвежьем углу, на границе, под Уссурийском. За тысячи километров от дома. Так что ничего странного, бывает. Да и девчонку на твоих глазах чуть под нож не пустили – такое не сыграешь. Совпадение – и не больше.

– Может и так, – не сдавался Иванов. – А бесы? Почему они там тоже оказались в этот момент?!

– И что? И что?! – неожиданно для самого себя, рассердился на непонятливость коллеги призрак. – Марек честно нас предупредил – шарики нужно хлопнуть в местах, где побег готовят! Или ты думал, что нечисть месяцами копошиться станет, подготавливаясь? Да ни в жизнь! Там счёт на часы идёт, как правило. Сам знаешь – с такими делами не затягивают!

Сергей снова замолчал. Ну вот ощущалось какая-то... неестественность в сегодняшних событиях.

– Сомневаюсь я... – наконец упрямо выдохнул он.

Антон пожал плечами.

– Да на здоровье. Только сам посуди – бесами даже Яга вряд ли командовать сможет. Не та публика. Они исключительно силу уважают. Так что Элла, как провокатор, однозначно отпадает. Я её ауру посмотрел. Так себе, если честно. Слабенькая она. Любому мало-мальски обученному колдуну на один зуб в честном бою.

Однако инспектор, осторожно потрогав разбитое лицо, упрямо бубнил:

– Ну вот не верю я, хоть что со мной делай...

Не выдержав, Швец в сердцах плюнул в пыль.

– Ну и не верь, кто мешает?! Она тебе предложила встретиться – вот и сходи, купи бабе мороженое, попробуй разговорить. Или ты не опер?! Только сейчас не тошни, не порти настроение.

Домой добрались в глубоких сумерках – долго ловили попутку. Никто не хотел брать двух перемазанных грязью пассажиров, у одного из которых ещё и физиономия почти хохломской росписью разукрашена. Кое-как договорились за грабительскую, во всех отношениях, цену. Иванов всю наличность отдал, включая мелочь.

Первым делом заехали в травмпункт, где парню сделали снимок, а усталый, хмурый врач осмотрел лицо, больно пальпируя жёсткими пальцами вокруг ушибов. Повезло – обошлось. Все кости оказались целы.

Получив предписание, чего и сколько купить в аптеке, отправились домой пешком, благо оказалось недалеко.

По возвращении Маша, стена и причитая, покормила изголодавшихся инспекторов, а затем погнала Серёгу в душ, а Антона из квартиры. После долго мучала парня различными примочками, приправленными чисто женскими нравочениями.

Заснул Иванов лишь глубокой ночью.

... Призрак появился ближе к обеду, весь задумчивый и немного расстроенный.

– Всё, – непонятно бросил он, принимая кружку с чаем из заботливых рук кичунэ.

– Что – всё? – уточнил хозяин квартиры, поудобнее устраиваясь на кухонном табурете и тоже готовясь отдать должное ароматному напитку.

– Разобрался я с этим стриптизёром. Можешь забыть.

Серёга непонятливо уставился на Швеца. Тот, вместо разъяснений, извлёк из кармана пиджака самый обычный цифровой диктофон, положил его на стол и только тогда соизволил продолжить:

– Когда ты вчера спать брякнулся, я к Карповичу с докладом пошёл. Честно всё рассказал, и про Эллу эту не забыл. Шеф обещал взять её на карандаш, хоть и тоже думает, что совпадение наша встреча, не больше. Но по своим каналам, сказал, проверит эту дамочку, на всякий случай. Заодно выразил нам благодарность и пообещал выпороть на конюшне за «непрофессиональные действия».

– С какой радости? – удивился Сергей.

– А, забудь! Это он так, для профилактики. Чтобы не зазнавались. Не сбивай! Так вот, Марек прийти на встречу не смог, однако передал нам огромное спасибо и эту штуковину, – кивок в сторону записывающего устройства. – Там беседа с покойной Ягой. Не наврал, опросил. Включайте, интересно.

Иванов послушно нажал кнопку воспроизведения и положил приборчик обратно на стол. Из крохотного динамика послышались голоса. Один знакомый – демона, а второй женский, чуть надтреснутый.

– Расскажите о танцоре, которого вы приглашали на празднованье Ведьминого Круга.

– Про Димочку? – испуганно уточнила женщина. – Что он уже натворил?

– Ничего, просто расскажите, что знаете.

– Так это... Внучок он Файки, подружки моей. Двоюродный. Хороший мальчик, невезучий только.

– Подробнее, пожалуйста.

– Да нечего особо рассказывать. Он в Казахстане вырос. Гимнастикой занимался, танцами, спортом всяким. Умничка, а не ребёнок. А как школу закончил – к нам в город, учиться приехал. Образование получать. Тут он плясать перед бабами и начал. Подрабатывал так, уж не знаю, кто и надоумил... Но не в клубе, напоказ, а объявления давал по интернету. Дни рождения там всякие или девичники какие... Со временем и я его позвала, наших ведьмочек повеселить да дать заработать лишнюю копейку. Димочка не отказывался, только просил по имени к нему не обращаться на выступлениях. Даже в масках танцевал – всё боялся, что на улице узнают.

– Почему боялся? – уточнил мужской голос.

– А зачем ему это? – удивился женский. – Он на инженера учился, с девушкой встречался приличной. Да и родители если бы узнали – скандала не оберёшься. Уж на что Файка по молодости гуляющая была, а и то рожу кривила на такие заработки. А как по мне – молодец. До непристойностей не опускался. И платили хорошо – вагоны разгружать не надо. Ему ведь, бедолаге, с родины денег совсем не присылали, нечего там присылать. Нужда... А за учёбу – заплати! В кафе сходить – заплати! Только с жильём повезло, почему и приехал сюда – у бабки своей жил. Но никогда ни рублика не просил!

– Понятно. За подарки на праздник кто отвечал?

– Фая. Она всегда решала, что покупать. Я, признаться, никогда придумать не могла, кому чего дарить.

– А как вы с ним связывались?

– Пока тут жил – по телефону. У него их два было. Один личный, а второй для работы. Да и в гости он ко мне частенько забегал. По хозяйству помогал, картошку с рынка приносил, да просто проводывал. Старухе много не нужно, так, внимания капельку. Я же говорю – хороший мальчик.

– Дальше что было?

Женский голос повздыхал, прокашлялся.

– Закончил Дима обучение, да и на родину уехал, так и не женившись. Не захотела девчушка от родителей далеко уезжать, выдра... голову только морочила. Мамка у него слегла, что-то с нервной системой. По рукам и ногам опутала паренька своей болячкой. Батя тоже весь в хворях. А он ухаживает за ними. Уже четыре года как.

– Как вы поддерживали с Дмитрием связь?

– Через интернет, эту... Вконтактик. Он там фотографии выкладывает, про жизнь свою пишет. Ну и рабочий телефон Дима не выбросил – Файка ему так велела. Мы тогда у меня сидели, перед отъездом. А она ему и говорит: «Оставь, мол, номерок. Вдруг подработка какая вылезет?» Он и послушался. Он вообще, бабуку свою очень слушается.

– Откуда такая преданность? – со скептическими нотками поинтересовался голос Марека.

– Так она ему квартиру пообещала завещать. При его-то бедности – царский подарок. Потому и вынужден не перечить...

– Ясно. После отъезда вы его вызывали?

– Конечно. И денег на дорогу подбрасывали. Только говорили, что это аванс за выступления. Он и совмещал – и девок потешит, и с нами, старухами, побудет. Любили мы его...

Дальше рассказ прервался, а Антон положил на стол небольшой кусочек бумаги.

– Тут его данные. Колобков Дмитрий Игнатьевич. Ну и прочее. Потом можно по сети посмотреть на этого дамского угодника, если интересно.

Серёга выключил диктофон, задумчиво потёр подбородок и уточнил:

– Как я понимаю, к нынешней Яге ты уже успел сбегать.

– Ага, успел, – подтвердил Швец. – Ты извини, что с собой не позвал. Не в том ты состоянии, да ещё с такой рожей... И никогда не догадаетесь, почему она такое отчебучила!

Сгорающая от любопытства Маша даже ножкой топнула в возмущении.

– Не тяни! Ишь, балагур-затейник нашёлся!

Инспекторы улыбнулись. Их по-хорошему забавляла милая непосредственность домашней.

– Правда, Тоха, не крути то, что порядочные люди на Пасху красят, – согласился с кицунё Иванов.

– Не буду, – подняв руки в притворном испуге, согласился призрак. – Я когда к той старой хрычёвке пришёл и вежливо так за Димочку поинтересовался – она и поплыла. Нет, ну пыжилась, конечно, поначалу, мол «какой павлин-мавлин», только куда ей против Департамента! Короче, те наборы – её рук дело! Воспитать таким образом решила личный состав, взбодрить своё бабье царство. Говорила: «Расслабились совсем! Да ни одна ведьма ни к чему такому не прикоснётся, как следует не проверив, а уж тем более на лицо не намажет!» – умело имитируя голос бабы Фаи, спародировал Антон. – Короче, встряску устроила, к истокам воззвала, напомнила о соблюдении правил безопасности. Как лучше она хотела. Смешно, да?

– А внук? А ученица её? Та, на мышь похожая... – прояснял непонятные моменты Серёга.

– А что внук? Написала старушка ему по сети, сообщила, что перезвонят организаторы, на которых это мероприятие спихнули. Дима включил телефон, ответил, принял заказ. После приехал в наш город, арендовал автомобиль, нашёл студента Хабалкина, отработал, вручил полученные от бабки наборы, два дня погостил и убыл восвояси на родину. Всё, история закончена... За ученицу не скажу – не знаю. Она отдельно живёт, приходит, когда позовут. Во всяком случае Яга клялась, что не при делах. Я уточнял.

Иванов в задумчивости почесал затылок.

– Тогда номера кривые откуда? Получается, понимал плясун, что в криминал впутывается?

– Да какая разница, понимал... не понимал... За квартиру в не самом плохом районе и не захочешь, а впишешься. Тем более с подачи любимой бабки. Да и что он, по сути, сделал? Госномера на арендованной тачке сменил ненадолго? Не велик грех. А ещё? Да ничего! Стандартно отработал, не задавая лишних вопросов. И с номерами тоже, как выяснилось, ничего сложного – на СТО в одном гаражном кооперативе купила старушка. Она ведь не с кондачка пакость замыслила. Готовилась всесторонне, снадобья подбирала, чтобы никто не помер невзначай от отравления или аллергии. Знаешь, в неофициальных мастерских есть, называется, мода – госномерами ненужными стены украшать. Там и взяла. Видимо, тот Опель, на котором они значились, закончил свои дни в городе, на разборке. Обычное дело, – присовокупил он.

– И что получается? Что все, по большому счёту, не при делах?

Швец горько вздохнул.

– К сожалению, да. Что ты Яге предьявишь? Мелкое хулиганство? Или попробуешь на лёгкие телесные повреждения натянуть? А потом? Пустышка! И она это знает, и ты знаешь, и я знаю... Скомкано как-то получилось... Бегали-бегали, а ответ прямо перед носом лежал. Но всё же плюс есть – мы зубы показали, понимаешь? Авторитет укрепили. Она нас теперь до судорог боится, бабка Фая эта, поверь.

– И то дело, – согласился Иванов. – Хотя, если бы не Карпович – искали бы мы этого Димочку до морковкиного заговенья. Глухарь стопроцентный. Чел приехал, чел уехал, ни концов, ни краёв.

Антон согласился.

– Верно, но ведь нашли! Какая разница – как? Результат-то есть!

Не стала отмалчиваться и Маша, укоризненно глядя на нежелающего насладиться маленькой победой хозяина квартиры.

– Не куксись, Серёженька. Антон прав. У полиции свои методы, у вас – свои. Главное – вы ведьмам место показали. Хочешь, я коньячку достану? К нему сыр есть и шоколадка...

– Давай! – радостно взревел призрак, потирая руки.

Иванов не ответил. Он долго смотрел в окно, а потом спросил:

– А Ведьмачий Круг бывает? Ну, где колдуны собираются.

– Да... – растерянно ответил Швец. – Через две недели, по-моему.

И в кухне установилась тишина...

История вторая. Бойся своих желаний

Последняя неделя прошла в дороге. Прирезанная от начальственной щедрости территория обслуживания в виде соседней области требовала изучения, и Сергей с Антоном отправились в командировку.

Парни решили посетить все мало-мальски крупные города и посёлки, чтобы в случае необходимости призрачный Швец со своей возможностью мгновенной телепортации знал, куда перемещаться.

Стекло, бетон, яркие вывески, вечно спешащий люд крупных городов перемешались с покосившимися райцентровскими домиками, полупьяными и отупевшими от местечковой безработицы мужичками; сыропахнувшие простыни второразрядных гостиниц каждый раз заставляли ностальгировать о любимом диване. Про еду и говорить нечего. И дороги, дороги, дороги... попутки и рейсовый транспорт с вечно занятыми, истёртыми сиденьями.

Сергей уже на третий день этого унылого вояжа стал плотно подумывать о покупке автомобиля. На Импалу он, конечно, не замахивался, но вот про дешёвенький бэушный внедорожник размышлял всерьёз. Да и приятель постоянно подогревал эти мысли своим нудежом о пользе и комфорте персонального автотранспорта.

Как раз сейчас они стояли на окраине города Эн...ска и ждали рейсовый автобус в областной центр. С утра шёл дождь, небо заволочло тучами и не оставалось никаких сомнений – это надолго. Ноги промокли, пиджак стал неприятно тяжёлым от влаги, по телу периодически пробегали мурашки. Что поделаешь, осень во всей красе... Одно радовало – остановка попала с навесом, который по какой-то причине не разобрали хозяйственные аборигены и не растащили полезные стройматериалы для своих нужд. Обычное дело для провинции.

В такую погоду из простенького гостиничного номера их выгнало сообщение от любимого руководства, в котором доходчиво рекомендовалось прибыть в областной центр и пообщаться с неким Ростиславом, всюду разыскивавшим какого-нибудь колдуна или экзорциста. Подробности велено было уточнить на месте, контактный телефон прилагался. Откуда у руководства взялись такие сведения – Иванов не знал, а спрашивать казалось неудобным.

Близился обед, который придётся пропустить.

Стоять просто так – скучно, потому Сергей решил просветиться по одному из наиболее важных вопросов.

– Слышь, Антоха, – выгоревший почти до фильтра окурков за неимением урны полетел в пузырящуюся от мелкого, унылого дождя, лужу на дороге. – А на кой наша служба вообще нужна? Нет, ну я понимаю – спецотдел там гоняет демонов, прорывы из преисподней с нашей стороны блокирует, опять же. По-взрослому работают... А мы? Шушеру всякую магическую пинаем кое-как, да изредка бесов прессуем. Зачем? И так все в очередь попадут, ну или почти все. Там и воздастся согласно деяний...

Антон поднял воротник, ёжась от сырости, посмотрел вдаль. Автобус не показывался.

– Хороший вопрос. Я его тоже задавал в своё время. И получил крайне странный и предельно простой ответ: «Кру-у-у-гом! Иди и служи!». Потом думал долго на эту тему... И знаешь, понял! Сам понял, без разъяснений! Просто всё, на самом деле.

– Поделись.

– Да нечем особо... Вот смотри: вспомни, когда ты на территории в органах работал, сколько вас было по штату?

Серёга задумался. Что-то считал, загибая пальцы, потом уверенно ответил:

– Очко. Двадцать один, без начальника.

– А живых? Тех, кто с утра на оперативках присутствовал? Убойный сразу отбрасывай, они всегда по своей программе жили. Тех, кто с суток и на сутки, прикомандированных по управлениям, больных с отпускниками тоже сюда не лепи.

Иванов снова задумался.

– От шести до восьми.

Швец в который раз за сегодня закурил, задумчиво глядя в даль.

– Итого в среднем семь человек, по должностной инструкции обязанных побеждать преступность в районе примерно тысяч на двести обывателей, в не самом маленьком, замечу, областном городе ...

– Сто семьдесят на нашей земле, согласно последней переписи, – уточнил новоявленный инспектор.

– Пусть сто семьдесят, – покладисто согласился Антон. – Итого на одно оперское рыло фактически выходит около двадцати четырёх тысяч граждан. Вполне мирных, если не считать жуликов и прочих оголтелых индивидуумов. А заявлений за сутки? Кражи, гоп-стопы, износы, телесные? Тяжкие и не очень, через дежурку и по почте? У преступников ведь выходных нет, как и понятий территориальности! Везде чудят, и часто не по разу в день! Сам знаешь, человек если решил украсть – то украдёт. И будет воровать, пока не остановят. А ответственность вторична.

Серёга почесал затылок, не понимая, куда гнёт приятель.

– Ну-у... По-всякому бывало... Но не менее трёх – пяти заяв на брата – это точно.

– Как и в моё время. То есть, в год примерно одна тысяча сто материалов. Писанину опустим, как и вечную нехватку личного состава. А раскрывалось из этого потока сколько? Это же нереальный вал! Физически нереальный! Даже с учётом того, что половину «задвинули под сукно», рассказав заявителям байки – совершенно невозможная цифра!

Иванов впал в глубокую задумчивость. Ему просто раньше никогда не приходило в голову перевести вечную лавину потерпевших и бумаг за день в годовой объём. Он искренне удивился, по-новому взглянув на прошлые годы службы: и как работали? Не понятно! А ещё и покуролесить успевали, и на работу при нужде забить. Но вопрос требовал ответа, потому парень, напрягши память, честно признался.

– Штук восемь или десять палок я делал. Но из них больше по мелочи. Хранение наркоты или кражи металлолома... Если серия попадалась – ну, там, эпизодов много за злодеем, и больше бывало.

Призрак улыбнулся.

– Это нормально, человеческие возможности имеют свой предел. Выше определённой планки, хоть наизнанку вывернись, не прыгнешь. Получается, при хороших раскладах, ты делал около ста пятидесяти раскрытий в год. А теперь переведи их в процентное соотношение к совершённым преступлениям. Выходит процентов четырнадцать, точнее можешь на калькуляторе посчитать. И вот мы приблизились к самому главному вопросу – для чего нужна милиция, или по-новому, полиция, при таком крайне низком КПД? Для чего?! Статистами по вызовам кататься да изредка дурачков неосторожных ловить? Не психуй! – глядя на покрасневшее от злости лицо Иванова, рявкнул он. – Чтобы поймать осторожных – время нужно и ресурсы, а ни того, ни другого у тебя не было!

Сергею стало очень обидно от таких слов, замешанных на горькой правде жизни, однако крыть оказалось нечем. Прав приятель, совсем уж гнилые цифры получаются.

– А как по-другому? – нервно бросил он. – Не будет власти – беспредел начнётся, как в девяностые. Право сильного и бабла! Пострелушки среди бела дня прямо под мэрией. Кроушкой улицы умоются! Проходили! Наслушался от старших товарищей...

– Правильно, – невозмутимо продолжил свою путанную мысль Антон. – Органы, фактически, работают не столько карающе, сколько сдерживающе. Вот и мы так – сдерживаем

нечисть, пресекаем ощущение вседозволенности и изредка бьём по шапке особо зарвавшихся. Понятно?

– Не совсем. Высший Суд ведь всё равно наступит, от него не откупишься и с ним вопросы не порешаешь...

Швец в сердцах сплюнул.

– До Суда ещё есть и реальная жизнь! Отмеренная от рождения! Годы, годы, и годы, за которые люди успевают и без адских созданий да прочей нечисти накосорезить будь здоров! Но нас это не касается! Наша задача – не давать им души свои губить. И губителей не подпускать к ним на пушечный выстрел! Да и кто, если не мы, всяких упырей, колдунов и иных разных... в стойло поставит? Комитет? О-о! Тем только дай волю... всё засекретят, закомутают, и станут удивляться больше всех, когда их «завербованные» посреди города резню устроят. Просто так, от скуки, чтобы натуру свою гнусную потешить... Государственной, понимаешь, необходимостью объявят! Но тоже секретно. Так, для своих... Там ребята настолько хитрожо...е сидят, что даже наши подопечные, даже самые оголтелые отморозки, предпочитают с ними не связываться. А если уж попадают в клещи невидимых защитничков Родины – бегут со всех ног, меняя личины и имена. Не-е-ет! – протянул он. – Не нужно так. Мы хоть берега видим и служим людям, а не власти... Вон, автобус едет... дальше сам думай, своей головой.

Из серой стены дождя, действительно, медленно выползал рейсовый ПАЗик, почти по самую крышу забрызганный грязью. Местные дороги оставляли желать лучшего...

Человек, поименованный Ростиславом, ответил сразу. Голос у него оказался нервный, дёрганный. Договорились о встрече, без подробностей. Против ожидания, не в кафе или каком-нибудь торговом центре, а в промзоне на окраине. Сергей долго выпытывал у него все ориентиры и подробности, опытно полагая, что под стандартным адресом может скрываться база гектара на три с армией арендаторов и кто где расположился – знает только представитель администрации владельцев.

Так и оказалось. Таксист долго петлял по огромной территории среди однообразных складов с рампами, морскими контейнерами, приспособленными под хранилища неизвестно чего, вкривь и вкось припаркованными ГАЗельками и разгружающимися фурами. Но нашли, причём с первого раза. Вспомнив все круги и петли, накрученные по территории, инспекторы машину решили не отпустить.

Местом встречи оказалось небольшое, отдельно стоящее здание с мерно гудящими на крыше наружными блоками промышленных холодильных установок.

Внутрь сразу не пошли, активировали Печати и осмотрелись. Ничего. Лишь от входа в нужное строение ощущались лёгкие эманации, указывающие на... да на всё, что угодно! От старой волшбы до неумело замагиченного амулета.

Иванов снова набрал Ростислава.

– Мы на месте. Где вход?

– В двери идите. Со стороны проезда. Я сейчас открою.

И действительно, через несколько секунд входная дверь в здание распахнулось и им приглашающе замахал рукой пожилой мужчина лет шестидесяти. Худой, бледный, весь какой-то сморщенный.

Вошли внутрь, привычно осмотрелись. Перед сотрудниками Департамента Управления Душами предстал небольшой коридор с тремя термодверями холодильных камер, в настоящее время запёртых на мощные задвижки, и обычной камерой кладовщика в конце.

– Пойдёмте, пойдёмте... – торопил человек, суетливо заламывая руки. – Скорее, пожалуйста... Пока она...

– Ростик! Ростик-и-ик! – приглушённо раздался приятный девичий голос в одной из камер. – Открой... Ну открой... Мне скучно...

Швец с Ивановым переглянулись.

– Это что такое?! – возмущённо рыкнул Антон. – Ты во что нас втравить хочешь?!

Мужчина отвечать не стал, опрометью нырнув в каморку. Парни вошли следом, прикрыв за собой дверь. Обстановка внутри не удивила – стандартная для таких мест. Стол, пара стульев, старенький шкаф, в углу топчан с засаленной подушкой и замызганным одеялом. Имелись тут и электрочайник, и полное ведро пустых упаковок от сосисок да вермишели быстрого приготовления. А вот запах немывтого тела и не слишком чистого белья заставлял морщиться. Человек здесь явно жил.

Ростислав плюхнулся на один из свободных стульев, жестом пригласив садиться на импровизированную кровать. Парни остались стоять. Мало ли, кто в этом белье поселился, маленький и кусучий. Избавляться потом устанешь.

– Деньги только после работы. Авансов не дам, – решительно заявил обитатель каморки, совершенно забыв поздороваться. – И не просите!

Из коридора продолжало доноситься: «Ростик! Ростик! Открой...», заставляя мужчину при каждом слове втягивать голову в плечи, покрываясь потом. Пахучую, липкую влагу он вытирал со лба рукавом не самой свежей рубахи, наплевав на платки и приличия.

– Да мы пока и не просили, – раздражённо бросил Иванов. – Дело излагайте, об остальном потом.

– Да-да... – человек затравленно огляделся, словно в поисках укрытия. – Конечно...

– Закури, успокойся, – Антон сунул ему прямо в рот сигарету и поднёс зажигалку. – Ишь, трусит то тебя как, болезного...

Мужчина сделал несколько неумелых затяжек, закашлялся, выронил угощение на пол и затоптал огонёк.

– Извините, не курю...

– Ну тогда не мни одно место и рассказывай! Иначе мы пойдём. Дел полно.

Ростислав несколько раз шумно вздохнул, задерживая дыхание. На удивление, ему помогло. Дальше речь мужчины стала более-менее связной.

– У меня одиннадцать дней назад супруга умерла. Тромб... А я её любил очень. С первого класса. Портфель носил, цветы дарил даже не по праздникам. Свадьбу сыграли, как люди жили. Путешествовали, опять же. А она умерла... прямо на улице... – слёзы полились рекой, не давая Ростиславу говорить дальше.

– Соболезнуем, – серьёзно, без наигранности, заполнил возникшую паузу Сергей. Он вообще не любил смерть, особенно такую, когда на ровном месте хлоп – и нет человека.

– Спасибо... – немного успокоившись, продолжил сидящий. – Так вот. Решил я Леночку не хоронить, а оживить. В чудо верил. Не мог смириться, что буду один. Родне ничего о случившемся не сказал. Арендовал вот, холодильник, привёз тело из морга сюда, да и стал обзванивать по объявлениям колдунов там всяких да ведьм... Все отказали, несколько раз кинули, взяв предоплату, поэтому я с вами так резко сначала... Извините. И только одна согласилась.

– На что? – не выдержав, перебил Антон.

– На оживление. Ритуал провела, не обманула... Сказала: «Вы теперь навеки связаны»... И ушла.

Лицо Швеца после этих слов исказила гримаса злобы.

– Она тебе предлагала отказаться от этой затеи? Вспоминай!

– Да... А откуда вы знаете?

– Сколько раз?

– Точно не скажу, – обескураженно проблеял Ростислав. – Много...

– Три раза было?

– Д-да... Наверное... Я не считал.

– Ой, дебил... А что ты конкретно просил сделать? Не спеши, здесь каждый нюанс важен.

Человек задумался, наконец-то вытер с лица слёзы и нудно, слегка запинаясь, стал перечислять:

– Чтобы всё было как раньше, чтобы она по-прежнему меня любила, что мне без неё жизни нет, чтобы Леночка воскресла и была всегда рядом, красивая и весёлая...

– Понятно... Колдунья выполнила уговор?

– И да, и нет... Моя любимая действительно ходит, говорит, один раз даже смеялась! Но это не она...

Теперь уже влез Сергей.

– В смысле?

– Понимаете, как бы это объяснить... У меня сложилось впечатление, что это только оболочка моей супруги. Упаковка, так сказать... Ей стали неинтересны книги, хотя раньше любимая обожала читать; она постоянно требует внимания, при этом говорить с ней абсолютно не о чем! А у моей заюшки ведь золотая медаль со школы и красный диплом с филфака! Только теперь Лена – пустышка, и не более! Глупее пробки от пивной бутылки... Одно успокаивает – не агрессивна, в отличие от кинозомби.

Иванов пожал плечами.

– Пока не убедил. Ну поглупела женщина – бывает. Делать то ты с ней что собирался? Воскресшую в театр ведь не поведёшь.

Мужчина нервно напился прямо из чайника, совершенно не обращая на ручейки воды, сбегаящие по подбородку.

– Я так далеко не заглядывал. Мне казалось, что всё само собой образуется, утрясётся как-то... И вы правы, дело не в этом. Проблема в другом. Мне – двадцать четыре года.

– Сколько? – неверяще уставились инспекторы в морщинистое лицо человека.

– Двадцать четыре, – упрямо повторил тот. – После воскрешения любимой я стал стремительно стареть. И не только внешне. Уже ощущаю боли в коленях, усталость, желудок беспокоит. Всего за три дня... Как только Леночка воскресла – так и началось... Боюсь даже в зеркальце смотреться. И хочу жить. Жить! – выкрикнул Ростислав. – Я не знал, что так всё будет! Пробовал сбежать – не могу. Словно магнитом обратно тянет, ноги сами сюда несут... Дал объявление везде в интернете, на всех досках с объявлениями. Со мной связались почти сразу, с неопределённого номера, выслушали и велели ждать специалистов. Это ведь вы? – в его глазах теплилась бездна надежд.

– Да. Когда ритуал провели?

– Я уже говорил. Три дня назад.

– С кровью?

– Да, ещё мази непонятные были и фигуры та женщина рисовала. Вспомнил! Свечки жгла!

Антон почесал подбородок, что-то обдумывая. Потом решительно открыл дверь каморки и велел сидящему:

– Открывай морозильник. Посмотрим на твою любовь.

Дождавшись, пока мужчина начнёт возиться с засовом, Иванов негромко поинтересовался у приятеля:

– Печатью в лобешник? Или как?

– Или как. Давай посмотрим сначала.

Термодверь запахнулась и из морозного облака в коридор шагнула обычная девушка с бледной, покойницко-желтоватой кожей и несколько ломаными движениями.

– Ростик, ты долго не приходил. Был на работе? – руки мертвячки неуклюже сомкнулись в объятиях на шее мужчины, потом последовал неумелый поцелуй в щёку. – У нас гости? – её взгляд сместился на парней. – А ты ничего не сказал. Нехорошо. Я ведь не накрашена... Плохой Ростик!

Воскресшая надула губки и подошла к Иванову. Долго всматривалась ему в лицо, после перевела взгляд на пиджак.

– Ой, пуговичка! – девичьи пальцы уцепились за тёмный кругляш. – Красивая... Дай! Дай пуговичку! Красивая пуговичка...

Пока Лена теребила пиджачную застёжку, Антон зашёл со спины и просканировал её Печатью. Ничего особо подозрительного не обнаружив, обратился к Ростиславу.

– Всё! Закрывай обратно!

– Милая, тебе нужно отдохнуть, – тут же засюсюкал человек, безуспешно пытаясь привлечь внимание ожившей покойницы. – Пойдём, солнышко, пойдём...

– Не хочу! – внимание Лены целиком поглотила злосчастная пуговица и от своего мужа она отмахнулась, словно от надоедливой мухи. – Сам иди!

Антон, понявший, что этот словесный пинг-понг с упрашиваниями может затянуться надолго, решительно схватил мёртвую девушку за талию и бесцеремонно зашвырнул в морозильник. Вместе с оторванным с треском кругляшом, который она так и не отпустила.

Дверь захлопнулась, лягнул засов, а из камеры доносилось:

– Красивая... Красивая пуговичка...

Ростислав обессиленно привалился к стене.

– Вот, сами видели! Я не знаю, как мне быть! Мне страшно...

– Адрес, телефон или что есть на эту колдунью давай сюда и ответь – а ты у неё помощи просил?

Мужчина, листая вкладки добытого из недр мятых штанов смартфона, ответил:

– Сразу, как осознал. Она отказалась. Говорит, не в её власти это. А потом на звонки попросту не отвечала. Вот... Телефон, адрес, фото. Не удивляйтесь, я её по соцсетям нашёл. Даже домой к ней бегал вчера вечером – не открыла...

– Угу, сбрасывай. Пойдём, пообщаемся по поводу ритуалов...

– А мне что делать? – перепугано завизжал мужчина. Ему казалось, что все проблемы должны решиться прямо сейчас, прямо здесь.

– Ждать, – коротко ответил Сергей и вышел на улицу.

За ним на свежем воздухе оказался Антон, а Ростислав остался в дверях, преданно, по собачьи, смотря на инспекторов.

– Я могу надеяться? – прохныкал он. – Я вам всё отдам, у меня есть средства... и у родителей...

Швец зло сплюнул.

– Тебе же сказали – жди! Не мешай работать! Могу дать один совет – напейся! Без шуток! Плотно так, до отключки! Иначе дражайшая твоя половинка тебе весь мозг вынесет. Вон, таксисту денег дай – он привезёт.

Мужчина суетливо покопался в карманах, извлёк оттуда несколько крупных купюр и подбежал к ожидавшей парней машине.

– Вот... Виски пару-тройку бутылок недорогого и шоколадку... Тут хватит?

Опытный таксист согласно кивнул головой и заметил:

– Только я сначала заказ выполню, а потом сразу к вам. Приеду – посигналю.

– Конечно, конечно. Я подожду.

Адрес, который дал Ростислав, располагался в рабочем районе, в одной из стандартных пятиэтажек с магазинчиком на первом этаже и разливайкой по соседству. Перед тем, как идти к ведьме, Антон неожиданно попросил:

– Давай по рюмашке пропустим. Устал я что-то.

Эта просьба очень удивила приятеля. Никогда инспектор не позволял себе спиртного в рабочее время, принципиально. Однако умничать или возражать Сергей не стал, а молча направился в забегаловку.

– Двести водки и закусить, – выдохнул Швец, едва оказавшись у прилавка. – Ты будешь? – последняя фраза была обращена к напарнику.

– Нет.

Иванов поморщился, глядя, как из крайне сомнительной бутылки льётся в стакан прозрачная жидкость с сивушным запахом. Гадость какая. А вот коллегу это не смущало. Он ловко влил в себя водку и цапнул конфетку из вазочки, стоявшей прямо на прилавке. Такой вот эконом-вариант закуски для остро нуждающихся.

– Ещё хочешь? – парень испытующе смотрел на Швеца.

– Х-ху... – выдохнул тот, наполнив воздух неприятным ароматом палёнки. – Хватит. Пошли работу работать.

Сергей достал деньги, расплатился и с облегчением покинул этот оплот мелкобытового пьянства.

Специалистка по воскрешению жила на третьем этаже. Поднявшись, Антон без особых разговоров отсканировал дверь, не нашёл никаких охранных чар, удовлетворённо хмыкнул и прошёл сквозь неё в квартиру, осмотреться.

Вернулся он минут через пять и, не говоря ни слова, направился вниз по лестнице. Лишь на улице заметил:

– Нет её. На заводе в ночную смену, утром будет. В квартире один пацанёнок её в игрушку – онлайн на компьютере режется. Мужа баба не имеет.

– С чего взял?

– Мелкий в чате хвастался таким же оболтусам, что всю ночь в игре будет, мамки, мол, нет – на работе. А про мужа – видно без бинокля. Ни одежды, ни обуви для взрослого дядьки я не увидел. Как-то так. Потому давай на ночлег устраиваться, спать пора. Утром наведемся.

– А Ростислав как?

– Да никак. Набухается, если хоть капля мозгов есть и спать ляжет. Пока с колдуньей не пообщаемся – к нему смысла ехать нет. И на заводе бабёнку искать не вариант. Не собираешься же ты мелкого допрашивать с пристрастием – точный адрес и всё такое, а потом половину ночи как савраска бегать? Глупо. Поехали отдыхать, вечер уже.

В таких вопросах Сергей всегда признавал старшинство приятеля. Отдыхать так отдыхать, да и промокшая за день одежда хоть немного подсохнет.

Вернулись к двери в жилище ведьмы утром, около девяти. Честно позвонили, нажав старенькую кнопку, послушали переливистый звон. Послышались шаги, мигнуло стёклышко глазка. И ничего. Хозяйка попросту не стала открывать дверь незнакомцам. Молча развернулась и ушла.

– Вот зараза! – рыкнул хмурый с самого утра Антон и двинул следом за ней, прямо сквозь преграду. Послышался истошный визг, затем клацнул замок и знакомый голос позвал топтавшегося на лестничной площадке Сергея:

– Заходи. Малыш на уроках, не помешает.

Иванов ждать себя не заставил и вошёл внутрь. Обстановка удивила: бедненько, но чистенько. Не так, ох, не так виделось ему жилище той, кто может воскрешать мёртвых. Старенькие обои, советская тумбочка...

В комнате его ожидал приятель, с интересом рассматривающий свою персональную Печать и замороженная бытом женщина лет тридцати пяти: полная, одетая по-домашнему – в стареньких халат да стоптанные тапочки. Она сидела на краю дивана, глядя в пустоту. На немой вопрос инспектора призраком лишь отмахнулся:

– А, успокоил я её на время. Скоро в себя придёт. Тогда и поговорим. Осмотри помещение пока. Ищем книгу колдовскую.

Требуемое отыскалось быстро – на полке, в серванте. И оказалась это не книга, а самая обычная старая, клеёноччатая тетрадь из тех, в которые бабушки записывали рецепты тортов в дни своей молодости. Наскоро просмотрев, Иванов передал сборник ведьмовских знаний товарищу. Тот тоже полистал, чему-то удовлетворённо хмыкнул, а затем сунул находку в карман, небрежно скрутив её в трубку.

Женщина очнулась минут через пять. Прежде чем она открыла рот, Антон приложил палец к губам и прошипел:

– Тссс... Заорёшь – на ноль поделю, хоть математика этого делать и не велит. Ты зачем девку воскресила, идиотка? Совсем мозгов нет? – и положил ей Печать на голову. – Соврёшь – я узнаю. А теперь говори.

Вместо ответа женщина расплакалась.

– Я его отговаривала... Как бабка учила, трижды... Даже больше... Но он пять тысяч долларов давал... Я и согласилась... Сыночке, на институт отложила... Впервые попробовала, хотите, побожусь! По тетрадке, будь она проклята! – последние слова она уже выкрикивала.

– Понятно. А за душу свою не боишься?

– Так я же предупреждала по обычаю... – поток слёз усилился. – А мне деньги очень нужны...

– И честно разъяснила последствия?!

Начинающая колдунья отвечала уже на грани истерики.

– Пыталась... Он и слушать не хотел...

Швец убрал руку с её головы, тяжело вздохнул и неожиданно сказал:

– Живи. И помни. Ещё раз магичить вздумаешь – мы за тобой придём и оформим по полной программе. Тетрадь изымаем. Деньги себе оставь. Сергей, уходи!

Ничего не понимающий Иванов еле догнал почти бежавшего по ступенькам коллегу лишь в самом низу, на выходе из подъезда. Схватил за полу пиджака, развернул к себе.

– А Ростислав как?! – рыкнул он приятелю в лицо. – А ритуал?!

– Забей, – угрюмо буркнул инспектор и, вырвавшись, вышел на улицу. – Не получится ничего.

Сергей обалдело уставился на напарника.

– Как?

– Каком книзу. Давай в сторонку отойдём, покурим и я тебе всё расскажу. Не у подъезда же такие вещи обсуждать. Здесь свои Васильевны имеются...

Расположились на детской площадке, на скамеечке. Ребятни с мамами – наседками ещё не было, потому определённое уединение имелось. Закурили, приспособив под пепельницу пустую сигаретную пачку – урны тут почему-то отсутствовали, а мусорить там, где мелкие играют – верх свинства.

Швец долго мялся, не зная, с чего начать, а потом бухнул:

– Спрашивай!

Иванов растерялся.

– Что спрашивать? Мне всё интересно! Потому что я половину происходящего вообще не понял! Предлагаю так: давай с начала. С того момента, как мы к холодильникам пришли.

Инспектор, подумав, подкурил от своего окурка новую сигарету, и тут только Сергей заметил, что у товарища мелко дрожат руки.

– Ты чего? – живо поинтересовался он.

– Это? – выдыхая дым, устало ответил Антон, помахав кистью и пошевелив пальцами. – Нервное, не обращай внимания. Устал очень. Пройдёт... Я всё понял, когда про ритуал услы-

шал от того идиота. Есть такой, в архивах читал. Не самый сложный, широко известный и категорически нелюбимый более или менее адекватными колдунами. Суть его в том, что мёртвое – мертво. Души в свежеумершем теле уже нет, а воспоминания и рефлексy пока остались. Ну, в мозгах... И для оживления такого жмурика необходимо, чтобы какой-нибудь идиот добровольно своей жизненной силой поделился – такой вот упрощённый путь к возможностям высшей некромантии. А теперь представь, с какой скоростью будет она уходить, поддерживая все запрошенные Ростиславом хотелки: память, речь, осмысленное передвижение... Это же не просто зомбак безмозглый! Пытались полноценного человека слепить! – затушенный об собственную подошву окурок исчез в импровизированной пепельнице. – Не морщи ум, не нужно – с почти геометрической прогрессией.

– Почему?

– Да потому что чем старше тело, тем легче и быстрее оно с жизнью расстанется. А Леночка в данном случае выступила как промышленный насос с постоянной мощностью. Понятно?

– Почти. Ты сказал – колдуны не любят этот ритуал. В чём причина?

– Ну ты и глупенький! – восхитился Швец. – Это же убийство чистой воды – перенаправление жизненных сил из человека куда-то! Прямое нарушение основополагающих заповедей! Дополню! Если бы ты тогда, у морозильника, умершую Печатью приложил – как планировал, то померли бы оба – и он, и она, а на тебе грех бы повис. Связаны Ростик с Леной теперь, до конца своих дней.

Иванов обиделся. Кем-кем, а тупым он себя никогда не считал.

– Сам-то умный... Тебя хоть обучали, а не сразу с корабля на бал. Тогда почему мертвячка тупенькая оказалась? Вон, даже пуговицу оторвала, Машка теперь зудеть, как осенняя муха, станет...

Инспектор понял, что перегнул палку. Действительно, глупо сравнивать себя, прошедшего три с лишним десятилетия между архивом Департамента и редкими поручениями, с приятелем, который ещё и года не прослужил. Потому он решил смягчить сказанное.

– Прав ты, Серёга. Зарвался я. Забыл, что ты ту макулатуру, в стопках до небес, не изучал. Извини. А по поводу глупости – так мозги у неё мёртвые. Гниют вдобавок помаленьку. Это ещё хорошо, что окружающих узнаёт. Функционирует, так сказать, из последних сил.

– Допустим... А что ты про три отговорки у мужика выпрашивал, да у этой бабёнки уточнял?

– Приличная ведьма или колдун, если по каким-то своим причинам решают выполнить чьё-то стрёмное желание, всегда стараются разьяснить последствия и отговорить клиента от опрометчивых шагов. По древнему обычаю – трижды. Вот и эта соблюла традицию, потому грех убийства на ней хоть и есть, но часть и на Ростика того, придурочного, упала. Разделили, по-простому, ответственность. Ну или думают так. Мы то с тобой знаем, что Суду виднее.

– А неприличные?

– А за теми мы приходим или Александрос со своими орлами.

Рассмеялись.

– Потому ты и ведьму ту отпустил, – понятиливо кивнул Иванов. – Что она по правилам поступила. Пусть наверху решают потом. Но почему про то, как ритуал отменить, ничего не спросил? И неужели думаешь, что она впервые колдовала?

Антон снова погрузился.

– Про впервые – не знаю. Часто ведьмы силу или знания своим детям не передают. Не хотят им судьбы плохой. Простым человеком жить легче. Потому сложно сказать – врёт или нет, да и не важно это сейчас. А по поводу отменить – ты фарш обратно перекрутить можешь? В целый кусок мяса?

– Нет...

– Так и с жизнью дело обстоит. Не вернёшь. Израсходована она.

– Но...

– Да нет ни каких «но»! Ростиславу, когда мы от него уходили, жить оставалось от силы часа два или три, максимум до утра сегодняшнего! Мы бы попросту не успели! Да и нет такого ритуала, чтобы жизнь принудительно забирать, хоть бы и у мертвецов. Точнее есть, но это чёрная магия. Тебе оно надо? Тот мужик, от любви с катушек поехавший, сам виноват! Мёртв он, понимаешь? Вот мы тут сидим, а он уже, наверное, уже ту самую, последнюю очередь отстоял. И Лена его без подпитки вернулась в своё естественное состояние – дохлой девки. Бойся своих желаний – точнее не скажешь. Это как раз тот самый случай с нами приключился, дружище, когда смотреть можно, а сделать ничего нельзя! Вот так Ростик расплатился за свою дурость! Надеюсь, хоть в пьяном сне умер, всё легче...

– Ты уверен?

– На все сто. Пошли в разливайку, мерзко мне, со вчера трясёт от собственного бессилия. Помяну дурака, хоть он этого и не стоит.

Стоя у знакомого прилавка, Антон сделал заказ:

– Двести водки и закусить чего-нибудь.

– И мне, – не стал молчать и Серёга. – Карповичу потом доложим.

На душе у него тоже было гадко.

История третья. Ванечка. Часть первая

Областной автовокзал оказался традиционно многолюдным, весьма тесным и взбалмошным. Небольшие группы простенько одетых мужчин, возвращающихся с заработков в родные деревни, постоянно куда-то спешили, отрывисто, громко уточняя друг у друга номер нужной платформы и попутно выглядывая свободные места в тесном зале ожидания; студенты с поголовно заткнутыми гарнитурой ушами уверенно, приподняв рюкзаки над головой, шествовали к своим автобусам, решительно игнорируя объявления диктора; старушки суетились, старики с высоты своего жизненного опыта бесстрастно взирали на эту суету; мамы цепко держали вертлявых и недовольных детишек; а кто-то традиционно тупил, став прямо посреди людского потока и соображая, где он вообще находится, при этом рассеяно выискивая глазами табло с расписанием рейсов, по закону подлости висящее у него за спиной.

Из постоянно распахи瓦ющихся сквозняком дверей тянуло пирожками на прогорклом масле; негромко играла уныло-модная музыка в местной забегаловке, где булькала водка на розлив да периодически стучали о плохо помытую столешницу торопливо опрокидываемые рюмки.

Наблюдая за всем этим дурдомом в ожидании своего рейса, инспекторы уютно расположились у стены и мирно беседовали. Сергей предлагал приятелю не тащиться двести с лишним километров вместе с ним, а воспользоваться перемещением и сразу отправляться обратно. Антон возражал. Ему очень хотелось проехаться на автобусе, заняв место непременно у окошка. Спор был вялотекущий, просто чтобы скоротать время (два билета уже лежали в кармане Иванова). Утренние события, связанные со смертью Ростислава и его возлюбленной супруги, ещё окончательно не отпустили парней, изматывая своим дурным послевкусием.

– Слышь, а где автобусы на Чижевку стоят? – внезапно обратился к Антону проходивший мимо помятый мужичонка неопределённого возраста, обвешанный сумками и пакетами по самую маковку, при этом довольно грубо дёрнув материального в данный момент призрака за рукав пиджака.

– Без понятия. Мы сами не местные, – равнодушно бросил инспектор, слегка раздосадованный такими манерами незнакомца. – В здании есть справочная, туда обратись.

– Тю ё... а чё тогда мозги морочишь?! – неожиданно зло огрызнулся этот неприятный гражданин, обдав Швеца запахом дешёвых папирос и вчерашнего перегара. – Интеллигент хренов. Понацепят очков и ходят важные, рабочему человеку и не подойди.

Отведя душу на, казалось бы, безобидном Антоне, мужичок уже собрался было убираться восвояси с гордо поднятой головой и чувством неоспоримого превосходства над «образованными», как вдруг жёсткие, словно железо, пальцы ухватили его за воротник.

– Ты сейчас кому предьявлять посмел, опарыш? – ласковый, сочащийся мёдом голос потёк ему в уши. – Ну?!

«Рабочего человека» неожиданно трянуло, отчего примерно половина его багажа попала на грязный вокзальный пол, прямо под ноги снующим туда-сюда пассажирам. Он вскинулся, взмахнул рукой, на одном из пальцев которой мелькнула выцветшая татуировка «дорога через малолетку», попытался ткнуть обидчика в лицо. Не вышло. Паршивый интеллигентишка неожиданно лихо, с немалой сноровкой, завернул ударную конечность за спину, а потом пребольно стукнул в затылок, отчего рухнула вторая половина переносимого груза и в голове сразу загудело, как с утра после свекольного самогона.

– Ты, пыль лагерная, на кого пасть открываешь?! – теперь уже рыкнули ему в ухо. – Я тебя спрашиваю?!

Мужичок понял – ошибся. И даже понял – почему. Накатили воспоминания полулихой, угарной молодости, в которой ему как-то довелось, по чистому недоразумению, свести знаком-

ство со специалистами из районного уголовного розыска, отправившими проворовавшегося по мелочи пацана на малолетку. Именно тогда будущему интеллигентоборцу разок заехали таким же отработанным шлепком пониже затылка, когда он права качать вздумал. Для памяти. Теперь вот пригодилось.

Искателю Чижовки сразу, до ломоты в зубах, захотелось сгладить ситуацию, разойтись миром, к тому же от боли в заломленной руке нестерпимо тянуло выть.

– Я... это, не хотел, клянусь! Гражданин начальник, отпустите, не признал. Бес попутал...

Снова ощутимый тычок в затылок. Обстановка в голове незадачливого воителя с «образованными» усугубилась, в глазах потемнело, ему жутко захотелось плевать.

– Что происходит? – сбоку вынырнули двое полицейских.

– Да ничего особенного, – ответил инспектор, нехотя отпуская скулящего «рабочего человека». – Гражданин берега попутал, пришлось нужный курс разъяснить.

Служители закона профессионально оценили ситуацию, бегло осмотрели собирающего своё барахло мужичка, сразу зафиксировав взгляды на пальцах его рук.

– Ага, – почти торжественно произнёс один из людей в форме. – Сиделец, значит. А документки имеются?

Ответом правоохранителю стало шебуршание в пакетах, а потом донельзя замызганный, засаленный паспорт, протянутый мужичком. Полицейский брезгливо, кривя от отвращения лицо, взял документ, кончиками пальцев открыл, бегло пролистал.

– Почему прописки нет? И что в нашей области делаешь? – начал гвоздить он стандартным набором вопросов присмирившего незнакомца, успевшего к этому времени в сотый раз проклясть себя за свой длинный и невоздержанный язык.

– Так... я... это... – замямлил «рабочий человек», даже слегка присев от такого напора. – К корешу еду. В Чижовку. Он подтвердит, – палец указал на Швеца. – Я ещё у него дорогу спрашивал.

Полицейские посмотрели на Антона, однако тот равнодушно пожал плечами, а после уточнил:

– Документы предъявить?

И было в его лице что-то такое, насквозь знакомое, что служители закона только рукой махнули, при этом уточнив:

– Да не надо... Вы из командировки домой?

– Угу.

– Гражданин лишнее исполняет? Или обокрасть хотел?

Отрицательный кивок.

– Нет, просто борзый не по масти. Никакого уважения к окружающим.

– Ясно. Разберёмся. И это... тут ничего не покупайте. Вон, за углом, там пирожковая нормальная, не отравят. Только кофе не берите – помой, – один из патрульных счёл необходимым поделиться знанием вокзальных тонкостей с незнакомым коллегой (и как сразу не признали? С их то опытом! Наверное, чудаковатый внешний вид с толку сбил) – А ну пройдем! – это уже мужичку.

Решивший ни к месту повыделываться дурак с кряхтением, постоянно всё роняя, под грозными взглядами полицейских кое-как собрал свой многочисленный груз, и патрульные вместе с задержанным растворились в шумной толпе.

Антон проводил их взглядом человека, достойно выполнившего свою работу.

– Ты бы хоть стрижку свою осовременил. Такие зачёсы теперь почти никто и не носит. Оригинальничает... – наконец соизволил заговорить Сергей, до этого с интересом наблюдавший за конфликтом приятеля с мужичком. – Тот дебил реально прав – слишком прилично ты, Тоха, смотришься; прямо вот ходячий вызов всякой гопоте и прочим недоразвитым идиотам. Не знал бы тебя – подумал, что вижу ботаника-заучку в пятом поколении.

Швец щегольски пригладил пиджак, смахнул с плеча несуществующую пылинку и тщательно, будто впервые, сам себя осмотрел. Результат произвёл на него очень благоприятное впечатление.

– Знаешь, Серёга, когда я ещё живым был – к нам в РОВД лектор от горкома приезжал и полтора часа трывдел, без бумажки, о «тлетворном влиянии буржуазной культуры и низкопоклонстве перед границей». Личный состав, даже тех, кто с дежурства, в актовом зале собрали, начальство по форме пришло... Дядя, как сейчас помню, соловьём разливался, ручкой размахивал, через слово коммунизм, «подвиг отцов» и «светлые идеи марксизма» поминал. Это как раз при очередном обострении борьбы с хиппующей молодёжью происходило.

– В смысле? – удивился Иванов.

– В прямом. Долбодятлы-дружинники всяких волосатых парней на улицах и в парках, где молодёжь собирается, отлавливали и насильно стригли. Скрутят втроем бедолагу и ножницами чик-чик по голове. Им за такую храбрость на работе лишний отгул полагался... Не любила наша коммунистическая партия длинноволосых и брюки-клёш почему-то. А ведь те ребята, по большому счёту, ничего не сделали. Ну ходили патлатые, на гитарах битлов всяких бренчали да портвейн пили – и всё! Зато, если судить по сводкам, от них вреда почти не было. Не безобидные, конечно, но против рабочего класса – куда им! Волосатики в день зарплаты на заводе не перепивались до чёртиков, не били жён, не устраивали поножовщин. Да они лишний раз на глаза милиции старались не попадаться! А их гоняли, понимаешь?! Словно собак шелудивых! В стенгазетах карикатурами позорили, показательные товарищеские суды устраивали... А ещё, как раз перед той памятной лекцией, обнесли дачу одного высокопоставленного комсомольца. Сам я туда не выезжал, но список похищенного видел. Техника сплошь немецкая да японская, тряпки чешские и венгерские, обувь английская. И вот сижу я с умной мордой, мне с трибуны хлыщ-краснобай нудно вещает о том, что нестриженные ребята – вселенское зло, которое нужно выжигать калёным железом, а у меня тот протокол перед глазами стоит, в подробностях и в голове диссонанс: музыка и волосы – ужас ужасный, а полный дом иностранного шмотья, насквозь дефицитного – хорошо. Абсолютная ахинея получается.

От такой грустной истории Иванову захотелось курить. Он зачем-то рассеянно повертел головой, однако выходить из здания вокзала поленился. И, просто чтобы не молчать, спросил приятеля:

– И что?

Швец вздрогнул. Видимо, воспоминания оказались слишком живыми.

– Да ничего. Это я к тому рассказал, что судить о людях по одежде, если она, конечно, в рамках приличия, как и по цвету волос или музыкальным пристрастиям – скотство. Тем более у самих судей всегда полные шкафы собственных скелетов. Вот мне нравится так – интеллигентно, в костюмчике, с начищенными туфлями ходить. Кому от этого плохо?! Или опять, подстраиваться под новоявленных дружинников, чтобы быть как все? – он грустно вздохнул. – Дело ведь не в шмотках, а в свободе выбора... Да и Розе, чего скрывать, я таким больше нравлюсь. У нас всё, – Антон задумчиво покачал головой, – не просто, но не без чувств. Потому её мнение для меня гораздо важнее пожеланий всяких скотов немых. Для всех мил не будешь. К тому же и по морде огрести – особый повод никогда не нужен, сам знаешь. Не в тот переулочек неудачно свернул – и пожалуйста! Хоть в костюме, хоть в джинсах, хоть шортах весёленькой расцветки – результат один: местные архаровцы физиономию отрихтуют и имущество на память отожмут.

Сергею стало неприятно и немного стыдно за свои необдуманные слова о внешнем виде Антона. Приятель кругом прав, да и смотрелся он в своём, полузабытом современной модой, стиле очень... импозантно. Во всяком случае, все женщины на нём гораздо дольше задерживали свои любопытные, оценивающие взгляды. Потому Иванов поспешил извиниться:

– Ты меня неправильно понял. Я не к тому... – инспектор с грустью осознал, что запутался и не может подобрать правильных слов.

– Нормально, – Швец оценил попытку товарища. – Понимаю, как лучше хотел, – и рассмеялся. – Я – покойник, а убитых не убить. Так что пусть попробуют меня отметелить...

Улыбнулся простенькой шутке и Сергей. Обоим сразу стало легче.

В кармане запиликал, трясаясь от вибрации, смартфон. Иванов извлёк аппарат и удивлённо присвистнул. На дисплее, над прыгающим кружочком с изображением телефонной трубки, крупными буквами высветилось:

«Руководство»

Не говоря ни слова, он развернул экран так, чтобы товарищ видел, кто звонит. На призрака это не произвело ровным счётом никакого впечатления. Он лишь скептически хмыкнул и бросил:

– Отвечай. Чего тянуть?

Мазнув пальцем по дисплею, Сергей приложил аппарат к уху и осторожно произнёс:

– Алло...

Сразу раздался раскатистый рык Фрола Карповича:

– Иванов! Ты что, уснул?! Вы где?

– На вокзале. Автобус ждём, домой ехать собрались. Намеченный план мероприятий выполнен в полном объёме.

– Понятно. Значит так! Швецу велю переместиться самостоятельно, немедленно! В город икону чудотворную привезли, людям на радость, потому пусть покрутится там, понаблюдает в качестве охраны. Мало ли... а ты пока задержись. Билет сдай да сразу поезжай к тому глупцу, что своей жизнью за воскрешение супруги заплатил. Место осмотришь со всем тщанием, в каждый угол нос сунь. Чёрное колдовство случилось, как-никак. Если обнаружишь чего – доложи. Уведомим кого надобно да блокиратор поставим. Не хватало ещё новую точку для бесовского прорыва проморгать, сраму потом не оберёмся... После свободен, можешь домой отправляться.

Сергей расстроился. Ну вот не хотелось ему опять тащиться в ту промзону, на трупы пялиться. Да и как он в склад войдёт? Покойный Ростислав двери, помнится, изнутри закрывал. Не прилюдно же взламывать?

О всех этих соображениях инспектор честно доложил начальству.

Боярин не смутился и сообщил, что полиция уже там. «Анонимный звонок был» – коротко и ёмко развеял он опасения подчинённого, затем посоветовал в случае чего «думать головой, а не гузном», а после отключился.

Рассказав товарищу о новых вводных и уточнив, что в какой именно храм прибыла икона – неизвестно, инспектор подытожил:

– Разбегаемся. Ты нужную церковь сам найдёшь, или перезвонить и спросить?

– Не стоит, – серьёзно ответил Швец. – Сдаётся мне, Карпович очередные учения на соображалку проводит. Найду. Тут просто – перемещусь к нашему городскому собору и спрошу у бабок тамошних. Они всегда и всё знают.

– Лады, решили, – согласился Сергей и протянул руку Антону. – Давай, до встречи.

– До встречи, – принял рукопожатие призрак. – Если что – маякни.

И исчез. А Иванов поплёлся к кассам, сдавать билеты и уточнять расписание автобусов на сегодня, изо всех сил надеясь не застрять в командировке ещё на одну ночь.

Инспектор решил на транспорте не экономить, заказал такси. Пока ехал, уныло пялясь на городские пейзажи и рекламные вывески, смартфон снова зазвонил. Номер оказался неизвестен, во всяком случае в контактах не значился.

Ничему не удивляясь, ответил, и в трубке сразу раздался знакомый голос, профессионально выделяющий слово «Вы».

– Аллю, Сергей? Здравствуйте. Как Ваши дела?

– Здравствуйте, – проявил ответную вежливость Иванов. – Всё в порядке. Слушаю вас, Андрей Андреевич.

– В порядке – это хорошо, – уверенно заявил адвокат и сходу поинтересовался. – С Вами отсутствовала связь, и я отправил Вам письмо по электронке. Хотелось бы узнать Ваше мнение по указанным в тексте пунктам.

Парень растерялся. Письма он не видел, потому что очень давно не проверял свою почту. Подумав, честно признался:

– Я за границей был, там роуминг дорогой. Отключал связь. А сообщения не читал. Не до компьютера в последнее время, дел полно...

Если Андрей Андреевич и расстроился от такого ответа, то виду не показал, бодро продолжив:

– Хорошо. Коротко введу в курс дела. Вопрос по Вашему уголовному преследованию закрыт полностью, я проверил все стороны. Так что более, думаю, Вас не побеспокоят по этому поводу. Это во-первых...

– А во-вторых? – подтолкнул Иванов.

– А во-вторых, тут у меня аккуратно интересовались, откуда у Вас такие знакомые и нельзя ли, – адвокат замялся, – побыстрее исполнить рекомендации некой персоны, отдохнувшей на Вашей турбазе. Боятся люди, – как-то очень по-человечески закончил он. – С таким не шутят.

От этих намёков в голове у парня образовалась чехарда. Он никак не мог понять, о чём идёт речь и что старается донести до него адвокат. Но не признаваться же в этом!

И тут Серёгу озарило! Вспомнил! Рыбак, главный мотоциклист страны, потный генерал, турбаза... Захотелось расхохотаться. Инспектор еле сдержался, уточнив:

– Это про землю, что ли?

С той стороны облегчённо вздохнули.

– Да. Та встреча... имела несколько судьбоносные для нашего края, да и для Вас, последствия. Кому надо – о ней узнали, выводы сделали, намёки поняли. И, поскольку я в недавнем прошлом представлял Ваши интересы, именно ко мне обратились за некоторыми разъяснениями. В частности – по уже озвученным мною вопросам. Что скажете?

Сергей задумался теперь уже всерьёз, готовясь фильтровать и взвешивать каждое слово.

– Знаете, – медленно начал он, – откуда у меня такие знакомые – никого не касается. А если чьё-то любопытство пересилит здравый смысл – сообщите мне, пожалуйста, данные этого человека. Я передам их тем, кто имеет полное, законное право копаться в личных отношениях между людьми, со всеми вытекающими...

Услышав такую обтекаемую отповедь, Андрей Андреевич надолго замолчал, переваривая услышанное. Сергей даже на дисплей взглянул – не прервалась ли связь. Нет, всё нормально.

– Я. Вас. Понял, – чеканя каждое слово, наконец-то ответил адвокат. – Правильное решение. Спроси Вы у меня совета – лучше рекомендации дать бы не смог.

Иванов лишь улыбнулся и решил сменить тему.

– А вот теперь предлагаю перейти к рекомендациям, – весёлым голосом обозначил дальнейшее направление беседы парень. – По поводу земли – что посоветуете? Я в этих делах дуб дубом. И ещё, – поспешил он озвучить внезапно пришедшую в голову мысль, – мне хотелось бы как-то продлить наше сотрудничество. Жизнь длинная, всякое случается.

– Вы имеете в виду представление Ваших интересов в любых структурах и их всестороннее юридическое сопровождение?

– Именно так, – подтвердил Серёга, втайне завидуя такой гладкости слога у собеседника. Профессионал – не отнять.

Адвокат несколько замялся, быстро прокручивая в голове варианты, а также всесторонне взвешивая и оценивая поступившее предложение. Ответ дал через десяток секунд, не затягивая.

– Сергей, это относительно дорого. Не безумно, конечно, но моя команда ВСЕГДА (он подчеркнул это слово голосом) готова отстаивать интересы клиента в любых обстоятельствах и деньги получает не за красивые дипломы.

– Я понимаю. Знаете, – Иванов старался быть предельно искренним, – я не собираюсь судиться со всем миром. Я просто хочу некоторой законной защиты и помощи в вопросах, где откровенно не силён. Вот как с землёй...

Андрей Андреевич опытно оценил психологическое состояние клиента и поспешил его успокоить:

– Всегда с радостью. Готов на себя взять оформление и прочие бюрократические нюансы. Хотя, думаю, в свете последних событий, их возникнуть не должно. Там, – неожиданно похулигански хихикнул он, – ждут не дождутся, когда Вы к ним зайдёте. Больше скажу! Думаю, и документы прямо на дом привезут! Только границы прирезаемого участка согласовать нужно, без этого никак. Потому работы по моей линии здесь почти не предвидится, так, по мелочи...

Инспектор, слушая вычурные речи адвоката, до сих пор немного колебался. Нет, он быстро сообразил, что шутка по поводу расширения территории турбазы дошла в нужные уши и была воспринята без дураков. Дело заключалось в другом. Сергей попросту не понимал – зачем ему все эти бумажки, госструктуры с их кабинетами и очередями, ухоженные рыла чиновников, неудобные вопросы с подковырками? Ради куска ненужного никому леса на задворках области? И что с ним делать? Спортзалы клепать? Для кого? Там отдыхающих немного, им всего хватает и так. Для местных бабок с дедами из тех, кто в город не уехал? Ага, пока из ближайшей жилой деревушки дотопаешь – семь потов сойдёт, никаких тренировок не надо. Сразу можно на областные соревнования по спортивной ходьбе выставлять.

А с другой стороны, что называется, «давила жаба». Инстинкт подсказывал: «Следующего раза не будет. Бери, пока дают!».

И следом автоматически высказывал вопрос: «А сколько брать, чтобы и не мало, и не много, и с аппетитом не переборщить? Всё хорошо в меру, даже при дармовщине». Эту истину Сергей усвоил накрепко за свою не слишком длинную жизнь.

Так ничего и не решив, он честно спросил об этом у Андрея Андреевича:

– Подскажите, а сколько дают в сотках? Или сколько брать можно? Не знаете?

– Как не знать – знаю, – разъяснил адвокат. – В Вашем случае хоть всё до дороги.

– А это много? – осторожно поинтересовался инспектор.

– Более чем, – уверенно сообщил собеседник. – Но Вам – дают.

Н-да... невнятные размеры.

– Хорошо. Давайте по-другому попробуем, – решил перекинуть часть своих раздумий на Андрея Андреевича Иванова. – Мне бы хотелось узнать, какую можно получить территорию, не нагляя и не ущемляя ничьи интересы?

Адвокат ответил удивлённо:

– Правду наш общий знакомый говорил – Вы умный молодой человек. В корень зрите и не хотите ни с кем впоследствии иметь неприятности. Мудро. Давайте так: если Ваше предложение по поводу юридического сопровождения ещё в силе – я проведу необходимые консультации и о результатах сообщу Вам в кратчайшие сроки. Тогда, основываясь на полученной информации и решим, чего и сколько. Не думаю, что в ближайшей перспективе район Вашей турбазы в сфере чьих-то интересов, однако с другой стороны – в нашей стране бесхозного ничего нет. Просто иногда владельцы в тени, не сразу разглядишь...

Инспектор, не задумываясь, согласился с Андреем Андреевичем, а после, с огромным облегчением, попрощался. Убрав смартфон в карман, тыльной стороной ладони вытер пот со лба – совсем взмок от внутреннего напряжения, пока с адвокатом общался. Глянул в окно – такси уже подъезжало к пресловутой базе.

Не доехав до ворот метров сто, наглухо увязли в пробке среди скопившихся во множестве длинномеров, грузовичков, легковушек. Простояв без движения минут десять, Иванов плюнул на всё, рассчитался с недовольным такой задержкой в рабочем графике водителем и пешком отправился к месту назначения.

Причина затора обнаружилась сразу при въезде на складскую территорию. Здоровенная фура непонятным образом зацепила створку открытых ворот, вывернула её с мясом и об один из прутьев конструкции порвала покрышку. Сразу стало ясно – это надолго. Разъярённые простоем водители сигналили с обеих сторон, кроя матом всех на свете и, в частности, неумелого фуровода. Последний грустно ходил возле машины, вяло переругиваясь с набежавшими представителями администрации базы.

Протиснувшись в небольшую щель в перекрытом проезде, инспектор немного поглазел на происходящие разборки, а затем уверенно направился к уже знакомому складу-холодильнику. Дорогу он помнил, потому заблудиться не боялся.

Не повезло. Возле нужной рампы стояла полицейская дежурка, а вот труповозки не было. Видимо, или едет ещё, или застряла там, на дороге. Парню захотелось выматериться. Отъезд домой отодвигался на неопределённый срок. Ну не идти же сейчас, в самом деле, к грустно скучающим людям в форме, с идиотской просьбой: «А можно я тут всё осмотрю на предмет возможного прорыва бесов из Ада? Селфи с покойными делать не буду, некрофилией не балуюсь».

Оставалось лишь ждать, когда вся эта тягомотина рассосётся. Как попасть внутрь после окончания всех формальностей – Сергей придумал сразу. Нужно просто подойти к представителю администрации, прикинувшись арендатором, и попросить показать свободные холодильники. Сто процентов – не откажут, и про трагические события «забудут» упомянуть. В крайнем случае «вскользь» обозначат. Деньги всегда деньги, даже если кто-то только что умер.

Чтобы не слишком привлекать внимание и не мозолить глаза полиции, инспектор завернул за угол, где сразу обнаружил местную курилку – заплёванную беседку с лавочкой, испи-санной всякой малообразованной чужью типа: «Веня – лох» или «Метёлкин – сосун», ну и неумелыми рисунками мужских и женских гениталий – куда ж без них в приличной рабочей атмосфере.

Найдя относительно чистый участок, Иванов сел так, чтобы видеть проезд к нужному складу и закурил, приготовившись ждать да поглядывать на медленно сменяющие друг друга цифры часов на дисплее своей звонилки.

И ведь как на грех, лимит на интернет весь исчерпан, а пополнить забыл. Так бы хоть новости почитал...

Время тянулось медленно...

– Уыы... уы..... – жалобно замычали откуда-то сбоку. Из-за ангара, примыкающего к забору.

Скучающий инспектор даже головой тряхнул – не привиделось ли? Больно звуки странные. Однако через десяток секунд мычание повторилось, а потом кто-то гаденько захихикал.

Иванов вслушался, хмыкнул, а затем равнодушно пожал плечами. Ни шума драки, ни криков о помощи – значит, не его дело. Мало ли, кто как в рабочее время развлекается?

– Ууыы!.. – неизвестный мычащий повысил голос, и звучала эта абракадабра на редкость недовольно.

– Ага! Ага! Ну, попробуй! – сразу же раздалось в ответ.

«Да что там такое происходит?» – подумал донельзя заинтригованный сотрудник ДУД и пошёл прояснить ситуацию, благо недалеко.

В узком, шириною не более метра, пространстве между забором и стеной ангара стояли двое. Один, крайне бомжеватого вида, спиной к Серёге, другой, подальше, лицом к нему. На первого он даже не обратил внимания, целиком сконцентрировавшись на втором. Плюгавый, испытый мужичонка лет сорока, одетый в изгвазданную спецовку и рваные туфли, держал за горлышко худого, явно бродячего щенка, высоко подняв его над землёй. Собачёнок уже еле хрипел, безвольной, обмякшей тушкой повиснув в воздухе и вывалив язык набок. Глазёнки у бедолаги начали закатываться.

Живодёр поначалу даже не заметил появления нового человека. Он был очень занят. С усердием, достойным лучшего применения, и капелькой сопли на кончике худого, нечистого носа, этот придурок потрясал полумёртвым цуциком перед своим оппонентом, счастливо при этом улыбаясь.

Стоящий спиной вытянул руки вперёд и пытался подойти, чтобы, по всей видимости, отобрать жертву, однако второй при малейшем движении в его сторону сразу же начинал сжимать тоненькое собачье горлышко и злорадно хихикать. Явно издевался, гнида.

А ещё он имел ауру. Слабенькую, но без всяких двусмысленностей пояснявшую знающему человеку – перед ним вселившийся в представителя местного отребья бес.

– Ах ты сволочь! – само собой вырвалось у Иванова и он, молнией метнувшись мимо мычащего бомжика, наотмашь приложил Печатью по лбу распоясавшегося ублюдка. Тело одержимого мгновенно обмякло, привалилось к забору и стало неуклюже сползать на землю. Рука живодёра разжалась, и щенок почти упал, однако человек, стоявший ранее спиной к инспектору, успел подскочить и прямо в воздухе поймать безвольное тельце.

– Ыыы... – успокаивающе (и никак иначе) забормотал неизвестный, нежно поглаживая собачёнка по шёрстке.

Сергей на всякий случай оглядел и его. Худой, рост средний, возраст, навскидку, около сорока лет. Из одежды – старые, обмахрившиеся внизу брюки, выцветшая рубашка, заношенная донельзя китайская яркая курточка. Обут в лаптеобразные от истоптанности кроссовки. Толи бомж, то ли бич...

Однако, всмотревшись в лицо, инспектор сразу поменял своё мнение. С заросшей реденькой бородёнкой, худой, тонкогубой физиономии на него смотрели удивительно чистые, сходу западающие в душу, добрые и одновременно наивные глаза. Вот словно солнышко в них поселилось, маленькое да лучистое. И как-то сразу отступили на второй план и старая одежда незнакомца, и неухоженная поросль на щеках с подбородком, и давно нестриженные лохмы волос, свободно доходящие до плеч.

– Уыы... – ласково протянул этот странный человек, а потом бережно поставил пришедшего в себя, к счастью, щенка на землю. Тот, неверно ковыляя и беспрестанно отряхивая маленькую головку, сразу же исчез в неприметной дыре у основания забора. – Уыы... – уже к Иванову. И тоже миролюбиво, радостно, с наметившейся в складках запущенных усов улыбкой.

Не найдя ничего лучше, инспектор улыбнулся в ответ.

– Да, всё нормально. Пусть мелкий живёт, – сказал он, чтобы хоть что-то сказать; обогнул странного немого и поспешил вернуться на свой пост, ждать труповозку.

Но не тут то было! Когда Сергей поравнялся с этим чудиком, тот неожиданно схватил его за правую руку и, возбуждённо мыча, стал тыкать пальцем в ладонь. Как раз туда, где располагалась служебная Печать.

– Не понял, – удивился парень. – Тебе чего? Денег?

– Уыыы... – просительно, даже немного заискивающе, продолжил издавать свои непонятные звуки человек, вцепившись в Серёгину руку.

«Немой. Да ещё и сумасшедший – пришла вполне очевидная мысль. – И что с ним делать? А попробую я, как Антон учил, сконцентрироваться и представить...».

Воровато оглянувшись, инспектор вырвался, активировал Печать и приложил её к голове навязчивого инвалида, втайне надеясь, что всё получится и накладок не будет.

Результат себя ждать не заставил. Собачий спаситель, сразу блаженно закрыл глаза и заулыбался. Мягко, трогательно, как ребёнок во сне.

Иванов, решаясь на этот эксперимент, изо всех представлял свой последний вечер на Мальдивах, когда он с друзьями в грустной и трогательной обстановке смотрел на заходящее Солнце, стараясь впитать в себя до последней крупинки, до последнего всплеска тёплой волны тот чудный отпуск. Именно этим, необычайно трогательным, воспоминанием инспектор посчитал нужным поделиться с местным умалишённым, надеясь при этом убить сразу двух зайцев: посмотреть, как это работает и успокоить убогого, чтобы отстал.

Да и просто, без всякой задней мысли, у парня возникло спонтанное желание сделать бедолаге хорошо. Ну что он видел за свою жизнь? Да ничего! Пинки да затрещины за то, что не такой? Общество у нас жесткое... Раз на базе отирается, наверняка выполняя простейшую работу в обмен на объедки из местной столовой, то вряд ли имеет богатую родню, способную оплатить специальный санаторий для таких вот пациентов, как на загнивающем Западе делают. Откуда тут взяться нормальной жизни?

Левая, свободная рука инспектора сама собой неудобно залезла в правый карман и схватила несколько смятых купюр, вытащив их наружу.

Сумасшедший по прежнему улыбался, не открывая глаз. Ему было хорошо.

– Ну всё, будет, – наконец-то решился оторвать уже порядком вспотевшую ладонь от чужого лба Серёга и потушил Печать. – Вот, – торопливо он сунул подарок в карман курточки немого. – Смотри, не потеряй. Там деньги.

Ответная реакция очень удивила инспектора. Сумасшедший, ни мыча ни буквы, извлёк купюры обратно и протянул их дарителю, при этом отрицательно качая головой.

– Ну, как знаешь, – расстроено, с явной обидой в голосе протянул парень, забрал назад свой подарок и пошёл, не оборачиваясь, на облюбованный наблюдательный пост.

Насиженное место оказалось не занято, и снова потянулись скучные минуты ожидания.

Кто-то сел рядом. Сергей кинул косой взгляд и с удивлением заметил того самого немого. Он сидел на другом конце лавки, благонаравно сложив руки на коленях и улыбаясь чему-то своему.

«Да и шут с ним» – подумал Иванов и уткнулся в смартфон, насилуя себя единственной однообразной игрой, вшитой в устройство производителем.

Наконец базу огласили звуки моторов, покрякивания грузчиков, воцарилась деловая суета. По всей видимости, разборки между неудачливым водителем и администрацией закончились, колесо удалось поменять, и злополучная фура смогла выехать, освободив проезд.

Вскоре прибыла и труповозка, а через пятнадцать минут все причастные к законному оформлению человечества на тот свет с облегчением разъехались. Иванов бодро встал и лёгкой, пружинящей походкой отдохнувшего организма поспешил перехватить местного сотрудника, отвечающего за соблюдение порядка и своевременное получение оплаты с арендаторов. По всем правилам такой обязан неподалёку крутиться и присутствовать при осмотре места происшествия.

Повезло. Нужный мужчина, довольно молодой, в мятом сером костюме и не по возрасту рано облысевшей головой, как раз запирает склад.

– Ф-фух... Еле нашёл, – правдоподобно изобразил радость инспектор. – По всей базе за вами гоняюсь.

– А в чём дело? – удивился человек.

– Да мне сказали, что с вами можно пообщаться по поводу складского помещения.

Мужчина явно расслабился. Судя по всему, он принадлежал к категории тех, что «только что были, но куда-то вышли» и постоянное перемещение по вверенной территории, как и встречи в самых странных местах, для него норма жизни.

– Странно, мне из офиса никто не звонил, – якобы расстроено протянул сотрудник. В знак подтверждения он даже продемонстрировал Иванову зачем-то свой телефон, не включая, впрочем, дисплей. – У нас тут... кхм... определённые события случились.

– Да я видел, – беспечно отмахнулся Серёга, лучась оптимизмом. – Менты и перевозка. Сгорел, что ли, кто-то в битве за прибавочную стоимость?

Такой настрой потенциального клиента приободрил сотрудника администрации. Немалую часть его зарплаты составляли бонусы от выполнения плана по аренде.

– В некотором роде да. Так для каких целей подбираете помещение? – переключился в деловое русло лысенький. – Под какую группу товаров?

Ответ был продуман загодя.

– Замороженные мясо и рыба. Холодильники, короче, нужны. Три или четыре камеры квадратов по двадцать – тридцать каждая. У вас что-то подходящее под мои нужды есть?

Искорки удивления промелькнули в глазах у мужчины, однако виду он не подал. Иванов и сам знал, что звучит его легенда в данном случае на редкость бредово, но другого способа попасть в склад он не видел. А что этот, в пиджаке, ему не верит – плевать. Главное – дело сделать.

– Есть. Этот склад, только... отсюда двух покойников недавно вывезли. Какой-то сумасшедший древний дед через подставного паренька договор заключил и труп девушки хранил в холодильнике. А потом сам умер, прямо здесь, в коридоре. От старости! Никакого криминала! Вот... – неумело натянул печаль на физиономию лысенький. – Если это вас не устроит, ещё есть вариант, но там субаренда. Большой холодильник на триста квадратов. Оплата, правда, чуть дороже – кладовщик наш, приём-выдача ТМЦ исключительно через накладные. Остальные подходящие камеры, к сожалению, заняты.

– Если вы из-за жмуриков переживаете – мне пофиг, – жизнерадостно улыбнулся инспектор. – Дезинфекцию сделаем – делов-то! Но давайте сначала посмотрим, – и добавил доверительно. – Мне тянуть некогда, бизнес расширю. Клиенты копытом стучат, объёмы требуют.

Местный представитель понятливо и равнодушно кивнул головой, а затем занялся замком на уже знакомой двери, честно предупредив:

– Убрать ещё не успели, так что извините.

Оказавшись внутри, человек заученно забубнил: «Вот, смотрите, камеры с соблюдением всех требований...», однако Иванов на него уже не обращал никакого внимания, лишь головой согласно качал иногда. Он вслушивался в себя, выискивая знакомые, неприятные ощущения. Как тогда, в овраге.

Нет. Ничего. Похоже, это место не успело пропитаться отголосками чёрной волшбы. Ну и хорошо. Можно домой ехать. Глядишь, ещё и не слишком поздно получится вернуться к любимому дивану и Машиным пирожкам.

Дослушав, откровенно скучая, болтовню лысого, Сергей первым вышел на улицу. Представитель поспешил за ним.

– Ну так как?

– Интересно, не скрою, – слегка важничая, ответил парень. – Цена за всё удовольствие какая?

Представитель арендодателя назвал. Сумма получалась вполне себе. И это без электричества и прочих сопутствующих мелочей. Инспектор сделал вид, что размышляет над предложением.

– Знаете, я подумаю... Помещение почти идеально подходит под мои нужды, так что смысла смотреть ваш большой склад я не вижу. Можно визитку?

Мужчина протянул картонный прямоугольник и традиционно заявил:

– Только недолго думайте. У нас очередь. Просто вам, как первому...

– Да понятно, – отмахнулся Сергей и чуть не выругался от неожиданности. Перед ним стоял тот самый немой, по-прежнему блаженно улыбаясь.

– Тебе чего? – в сердцах бросил он странному чудику.

Вместо того ответил мужчина.

– Вы его не пугайтесь. Это дурачок местный. Он у нас на базе проезды подметает, а мы его за это подкармливаем и в сарае жить позволяем. Жалеем убогонького...

Иванов снова внимательно осмотрел защитника щенков и, наконец, нашёл нестыковки, до сей поры невнятно крутившиеся в его голове.

– Чистый он слишком для живущего в сарае. Не воняет, насекомые по нему строем не ходят.

Лысый от такого заявления округлил глаза, даже провёл рукой по своей «причёске» в знак новизны услышанного.

– А ведь и верно, я всяких бомжей насмотрелся. Чудной он. Может, у него родня есть и он их навещает? А они ему банный день устраивают?

Инспектор неопределённо пожал плечами, вежливо обогнул странного немого и пошёл к выходу с базы, втайне надеясь быстро словить попутку и попытаться успеть на последний автобус домой. Представитель администрации топал рядом, негромко рассуждая сам с собой:

– Не понимаю, как так? Интересно... Действительно, чистый! Знаете, – счёл нужным он поделиться своими размышлениями теперь уже открыто, – этот дурачок, в некотором роде, местная достопримечательность. Водку не пьёт, хотя грузчики его регулярно, ради смеху, напоить пытаются. Не курит. Тихий, смиренный, незаметный... Зато по субботам и воскресеньям у церкви околачивается!

– У церкви? – переспросил Серёга.

– Да! Я, понимаете ли, человек верующий, прихожанин, к службе хожу с семьёй, потому и знаю. Но вот что удивительно: внутрь храма немой не заходит. Во всяком случае, на моей памяти такого не случалось ни разу. Или около болтается, или у притвора станет и на людей смотрит, а некоторым пальцем даже грозит. Ещё пение церковное слушать очень любит и колокола. И лыбится, вот как сейчас. После уходит. Знаете, я только вот сейчас задумался – а чего это он внутрь не идёт?! – разгорячился лысый. – Все идут, а он – нет?! У нас тут хороший храм, новый; батюшка уважаемый! Тем более другого, поблизости, в нашем районе нет! Не понимаю! А ну пшёл!!! – внезапно заорал куда-то за спину говорящий. – Пшёл вон, дебил! Побью!!!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.